

18+

Дай ме любов

Анастасия Иванова

Анастасия Иванова

**Noli me tangere. Неопубликованная
часть истории карьера**

«Издательские решения»

Иванова А. А.

Noli me tangere. Неопубликованная часть истории карьера /
А. А. Иванова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-684000-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Она
возникла из ниоткуда. Почти 7000 дней назад она сбежала из Убежища —
сияющего города, не знающего изъянов мира извне. Таким она его помнит.
Но, может, это лишь выдумка брошенного ребенка? Ведь его жители носят
костюмы, годные снаружи лишь для карнавала, править которым будут
нищие Короли, а Королеву привяжут к трону. Бесконечного праздника, где
недописанная история обретет концовку на сцене, а ее герои — возможность
получить ответ: как начать жить заново, если ты уже кем-то был?

ISBN 978-5-00-684000-3

© Иванова А. А.

© Издательские решения

Содержание

Трудно начинать знакомство, зная, чем оно закончится	6
Травма	15
Раскаленный металл	18
«Не возвращайся, чтобы ни случилось»	25
Так началась моя бессонница	28
В темноте вода обретала свободу	35
– Хватит молчать!	41
Меж севера полуношник	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Noli me tangere

Неопубликованная часть истории карьера

Анастасия Александровна Иванова

«И разве это не ужаснейшая ирония, что человек переносит своего врага сам в себе даже на звезды, сверкающие в небе?»

Ежи Жулавски, «На серебряной планете»

© Анастасия Александровна Иванова, 2026

ISBN 978-5-0068-4000-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трудно начинать знакомство, зная, чем оно закончится

Ведь даже имея значительное преимущество перед другими, мне нужно было потратить немало внутренних сил на поиск короткого и безболезненного пути к predetermined исходу. Этот путь мог показаться схожим с тем, что проходил любой, кто хоть раз ставил перед собой мало-мальски значимые цели, но вместо их сомнений и неопределенности меня сопровождали разочарование и отсутствие выбора. День обещал одну из таких встреч, стандартных и безнадежно предсказуемых, быть может, поэтому я и назначила ее именно в этом месте.

Кафе изменилось с тех пор: если раньше о его существовании знали лишь пара верных посетителей, да редкие одиночки, что никогда больше не возвращались, ведь попадали они сюда случайно, забредая в тот странный, зыбкий час, когда все прочие двери были закрыты, то теперь – теперь оно кричало о своем присутствии не только броским оформлением фасада, но и распространяемым по всей улице ароматом ванили; и, чем ближе я подходила, тем удушливее становился воздух. Не люблю запах еды в кафе, а ее поглощение отвлекает от мыслей или разговоров, если ты не один, но самое ужасное, что можно было придумать – это запрет на курение внутри помещений. Сквозь легкий туман, через головокружение мир выглядит значительнее, плотнее, а люди – большинство из них украсит молчание под тонкой бледно-голубой вуалью из дыма. И совершенно испортит порыв открыть рот и заговорить.

По утрам, перед началом учебы в академии, когда естественный свет был еще деликатен к тем, кто на отметке старта нового дня по какой-то неизвестной причине оказывался вне дома, вне уютных постелей и объятий, я приходила в это небольшое заведение, чтобы рисовать посетителей. Здесь подавали отменный черный кофе и несъедобное остальное, но посещали это место отнюдь не ради завтраков. Преподаватель назвал серию моих утренних портретов «Вся горечь мира»:

– Я знаю это место! Однажды имел неосторожность там пообедать... С тех пор, каждый раз, проходя мимо, я задаюсь вопросом – за счет чего оно выживает? Кто в здравом уме придет туда во второй раз? Но вот теперь вижу, – он, наконец, перевел взгляд на бумагу, – для первого курса просто отлично. Что тут у нас? Расставание, измена, уязвимость, одиночество, – и снова его глаза что-то искали на моих щеках, – только для следующего раза у тебя индивидуальное задание – покажи счастье, я хочу увидеть чью-то искреннюю улыбку на бумаге.

– Счастье однообразно, – ответила я без всякого намека на флирт, ведь привлечь его внимание не удавалось даже первым красавицам факультета.

– А, знаешь, давай завтра там встретимся. Закажем кофе, и я обещаю тебе доказать, что и в такую рань можно быть счастливым.

В его взгляде за снисходительностью таилась робкая надежда, и удивленная своей же смелостью, я протянула руку:

– Договорились. Завтра в шесть.

– Это безумие! Но вызов принят.

Черные глаза его ликовали, а я теперь знала: он будет счастлив, но научить этому меня окажется неспособен.

Изображение радости я принесла ему в следующий раз: в том же кафе, за столиками, сидели все те же люди, вот только на их шеях лучезарно скалились черепа, а на вешалках рядом уныло висели оставленные посетителями маски из кожи и мышц. «Внутри мы все смеемся» – эта пошлая шутка пришлась ему по вкусу.

Я не бывала здесь со времен окончания академии, с момента разрыва отношений с самолюбленным преподавателем. С тех пор у меня появились новые знакомые, другая работа, а вместе с ними – иные места для грусти. Очевидно, хозяин кафе сменился, и крошечная суверенная территория, внутри которой ты мог быть одиноким в компании себе подобных, пре-

вратилась в безликую точку на карте – стандартная вывеска, дизайн на заказ, и, о, боги, высокие чистые окна с интерьерными шторами и график работы – с девяти до двадцати трех. Любопытно, осталась ли на стенах, спрятавшихся за новыми, лицемерно состаренными панелями, древняя плитка? Тот единственный элемент декора, что пришелся по вкусу мужчине, ставшем моим учителем в науке, которую в его исполнении равноправно можно было называть искусством.

Изучая кафе с тротуара на противоположной стороне улицы, я встретила рассматривавшие меня в ответ светлые, должно быть, серые глаза. За столиком у окна сидел молодой человек, чья внешность идеально вписывалась в окружающее его пространство. Внезапно, он помахал мне рукой – видимо, наша общая знакомая подошла к делу основательно, и Элай, так звали моего возможного заказчика, тоже узнал меня по фотографии. Нет, ему подобных я бы не встретила здесь в шесть утра десять лет назад.

Элай не сразу ответил на мое приветствие. Протиснувшись через нагромождение столов и стульев, сквозь толпу посетителей и ловко передвигающихся официантов, я, наконец-то, смогла представиться молодому человеку из окна, и тем самым по неведомой мне причине застигла его врасплох. Смятение, удивление, смущение – на его лице за пару секунд сменилось несколько выражений, пока, словно вспомнив что-то, он не пробормотал:

– Всегда хотел познакомиться с настоящим художником...

И, проигнорировав или не заметив протянутой ему руки, он без предупреждения, заключил меня в неловкие, слишком крепкие для первых мгновений знакомства объятия. Одежда и мои волосы служили нам барьером, пока Элай, осознав ли неуместность своего порыва, не решил высвободить меня из оков, и его подбородок скользнул по моей щеке. Что ж, значит, это наша первая и последняя встреча. Стоит ли тратить время, если разговор заранее обречен?

– Боюсь, я вас разочарую.

Немногочисленных приятелей я не касалась ни разу, так было проще создавать иллюзию нормальных отношений. Они смеялись, но условия соблюдали, ведь мы не были по-настоящему близки. Со временем я научилась выбирать людей достаточно самовлюбленных и в здравой степени эгоистичных, чтобы вопросы привязанностей или любых обязательств не обременяли легкой формы наших отношений. И потому, никак во мне не отозвавшееся прикосновение Элая было по-своему приятным: мое дыхание не сбилось, а в голове не возникло ни единого образа, а значит, не подстраиваясь и не притворяясь, я могу просто отдаться воспоминаниям и проверить, насколько испортился кофе с приходом нового владельца.

– Вы написали, что вам понравились мои старые работы. Итак, мы здесь, расскажите ваши мысли и идеи, что бы вы хотите видеть на стенах вашего дома? – снимая перчатки, я невольно залюбовалась пятнами теплого осеннего света, блуждавшими по лицу молодого человека. Очень подвижное, как у ребенка, на каждое мое слово оно реагировало сокращением мышц и вспылками в удлинённых миндалевидных глазах.

– Может, перейдем на «ты»?

Поняв его вопрос не сразу, я кивнула и поспешила закрепить на губах отрепетированную улыбку, такую, что за внешней благожелательностью скрывает полное безразличие и помогает возвести невидимый заслон, сохранив мысли в тайне.

– Мне понравились... – Элай запнулся, – этнические мотивы и персонажи твоих картин. Очень талантливо! Они, конечно, странные – по-хорошему странные. Как и место их обитания, очень необычно...

Он говорил слишком быстро, слишком торопился, будто я тоже не оправдала его ожиданий – пытался ли он таким образом скорее закончить встречу?

– ... но это все, конечно, для галерей и музеев. Я прочитал, что вся серия выкуплена. Наверное, владельцы теперь вечерами только и делают, что размышляют над тем, что хотел сказать автор.

Я молчала, и Элай, помогая себе жестикуляцией, продолжил неровную пламенную речь: – Возвращаются в пустой дом, наливают безумно дорогой скотч и засыпают в кресле, так и не угадав, какому богу молятся выдуманные люди на их стене.

Странное замечание, ведь именно домой я возвращаюсь в этих картинах, лишь так могу на время забыть о своем одиночестве, прокладывая иллюзорный путь к близким мазками по холсту. Но Элай прервал мои мысли, приняв мою задумчивость на свой счет, он попытался исправиться:

– Прости, это было глупое объяснение. Вернее, не объяснение, я имел в виду...

– Я не часто пишу на заказ, – решив приблизить конец нашей встречи, я протянула ему папку с эскизами, – а та серия закончена, и дополнять ее я не планирую. Давайте разберемся в ваших желаниях вместе.

Но вместо того, чтобы просто принять ее, молодой человек широким жестом отодвинул пустые чашки к своему краю стола, а сам, переставив стул ближе, оказался рядом со мною. Согнувшись так, что его голова стала почти вровень с моей, он принялся увлеченно рассматривать рисунки, пока его запах, попутно вытесняя густой кофейный пар, до краев заполнял мои легкие. Теплые зеленые ноты, смешанные с ароматом живой влажной кожи, такие же бесцеремонные, как и их носитель, вторглись в мое личное пространство, но пошли гораздо дальше – внутрь, вглубь через дыхательные пути. Странно, я не могла вспомнить, как пахли мои немногочисленные любовники, но Его аромат я не забывала никогда – запах камня и моря, смолы и рассвета – как помнила и все остальное: его сказки и оберегающие прикосновения, игры и последние объятия. Было ли это в моем детстве?

Возможно ли изобразить запах? Запечатлеть благоухание прошлого так же, как вычертить линию бровей? Иссиня-черных, выведенных мною столь бесчисленное количество раз, что я могу составить трактат о каждом градусе наклона, что отделяло их от состояния покоя до редкой вспышки гнева, от глубокой нежности до необъяснимой печали, спрятанной в темноте его глаз. Возможно ли сохранить аромат навечно, так же, как я смогла это сделать с линиями его лица?

– Ух ты, а рыжебородый мне нравится!

– Как ты узнал? – произнесла я и тут же осеклась. На дне папки, за новыми набросками оказалось несколько старых рисунков, видимо из тех, что я забыла убрать подальше, запихнуть вглубь шкафа, к их друзьям, – в смысле, да, конечно, он из той же серии, что вы видели.

С выражением лица мальчишки, обнаружившего клад, Элай продолжил свое исследование:

– Здесь они как настоящие, в смысле, живущие сейчас, хотел бы я посмотреть на тех, кто тебе позировал. Полуобнаженные танцовщицы подходят для квартиры холостяка? Хотя, и вот эти, с черепами тоже ничего.

Я не смогла сдержать улыбку, и Элай, высоко оценив каждый портрет, захлопнул папку, а затем положил свою руку так близко к моей, что его длинные пальцы мягко столкнулись с ребром моей ладони.

Ничего.

С момента, как попала в детский дом, я никому и никогда не рассказывала о своей особенности: мне было достаточно легкого касания обнаженной кожи другого человека, чтобы узнать, что ждет нас в будущем и чем закончится наше знакомство. А оно в этом мире заканчивалось всегда, и не всегда хорошо. Поэтому мне было так сложно и так легко выбирать любовников, поэтому здесь, снаружи, моими немногочисленными друзьями смогли стать только те, кто в определенной степени был безразличен ко всем, кроме себя. Те же, кого я когда-то касалась и была счастлива, остались там, в неизвестном, спрятанном ото всех месте, и я даже не была уверена, живы ли они теперь, несмотря на подбрасываемые памятью яркие фрагменты воспоминаний о нашем будущем: каждый житель и среди них столь дорогие мне люди, все

они были рядом, счастливые, улыбающиеся, такие же, какими они были, когда я их покинула. Но с каждым годом я сомневалась все больше – не могло ли то быть лишь успокаивающей разум иллюзией? Ведь я никогда не притрагивалась к тем, кто умирал раньше, чем наступал последний эпизод из моего видения о конце нашего знакомства.

– Уна, ты здесь?

– Да, я тут, простите, – отведя взгляд от подоконника, я повернулась к Элаю. Его сведенные брови говорили о том, что я пропустила часть разговора. Пора заканчивать эту бессмысленную встречу, тем более меня уже мутило от окружающих запахов и гула толпы.

– Скажи честно, о чем ты задумалась?

За соседним столиком снова громко засмеялись. Я перестала сжимать пальцами шею и, обхватив чашку обеими руками, приготовилась допить кофе.

– О заблуждении, что живое – хрупко. В действительности нужно оберегать мертвое.

Обычно бессмысленный пафос подобных фраз отваживал желание продолжить общение у любого собеседника, но серо-голубые глаза редкого аквамаринового оттенка продолжали внимательно и слишком прямолинейно меня изучать. Как вдруг Элай встал, резко перегнувшись через стол и, взяв с подоконника вазу с пестрыми сухими листьями, вручил ее проходящей мимо официантке:

– Прошу вас, унесите, у нас аллергия. И повторите кофе, пожалуйста.

И она, лучезарно улыбаясь, поспешила выполнять его просьбу, а я – я готова была поклясться, предложи этот сложенный будто ожившая статуя греческого атлета мужчина бросить все и сбежать с ним, девушка, не задумываясь, сию же минуту рассталась бы с прошлой жизнью и заодно, с необходимостью исполнять чьи-либо желания, кроме его. Он так естественно воспринимал свою привлекательность. Интересно, а осознавал ли он при этом степень ее воздействия на окружающих?

Удивительно, как красота влияет на людей – на тех, кто ею обладает и тех, на кого она направлена. Как жаждал восхищенных взглядов лектор и незаслуженно их получал, очаровывая аудиторию в неравной степени смыслом произносимой им речи и изяществом отработанного движения, с которым он поправлял свои темные волосы. Он так и не понял, а я бы ни за что не стала объяснять, почему мое поклонение ограничивалось лишь постелью, а интерес угасал, как только он начинал говорить о нашем будущем. И почему меня не задевал его флирт с другими женщинами, красивыми, под стать ему.

– Итак, настоящее интересует тебя намного меньше, чем кто-либо или что-либо из прошлого, – произнес Элай, возвращаясь на место.

А он не глуп, или...

– Что обо мне рассказывала наша общая знакомая?

– Что ты – талантливая художница. Но не упоминала, что такая красивая.

Мне редко делали комплименты, в ответ я вежливо улыбнулась. Кажется, без терпкого аромата мертвых листьев стало легче дышать, давление в висках ушло, передав планку смущению. В глазах и уголках губ Элая улавливались схожие эмоции, сменившие расслабленную было уверенность. Странно, но, когда принесли кофе, мне стало почти уютно в его компании.

– Ко мне только что пришла идея, может, пусть картина будет нарисована прямо на стене?

Так просто все испортить одной единственной фразой, что раскрывает намерения и мысли. Сделав глоток, я отвергла его предложение.

– Нет, простите, я не работаю на территории заказчика. Видимо, мы так ни на чем и не остановились? Кажется, у меня были еще наброски, могу прислать, и, если не подойдут, то, ну, что ж, могу посоветовать нескольких коллег, у них больше опыта в работах на заказ. Или давайте я прямо сейчас отправлю вам их профили.

Но едва я достала телефон, руки молодого человека запротестовали, и он тихо произнес:

– Постой, я сдаюсь... – потеряв шею, словно она затекла, он растормошил светлые волосы, – не знаю... Мне, правда, нравятся твои работы и я думаю заказать именно этого чертова парня. Или одного из них, или девушек – да всех сразу! Повешу на стену, чтобы им нескучно было. Просто теперь ко всему прочему я хочу узнать тебя ближе.

Слишком страстная речь, надеюсь, он не заметил, как сильно впились ногти в мои ладони.

– Считай, что так я зову тебя на свидание, – Элай выдохнул, – поверь, обычно у меня получается гораздо лучше и...

– Верю, – негромко перебив его, я жестом попросила счет у наблюдавшей за нашим столиком официантки, а затем начала собирать разбросанные по столу вещи, надеясь, что не выгляжу истерично, пока не вспомнила, что мы больше никогда не увидимся, и поэтому мне не должно быть никакого дела до его мнение.

– Уна, я понимаю, тебе может быть сложно доверять людям, но это же просто свидание...

Нешадно сминая листы в попытке поскорее убраться отсюда, я, уже не скрывая раздражения, вопросительно посмотрела на Элая.

– Да, это было некрасиво, не нужно было этого говорить.

Ребрами ладоней он беззвучно стучал по краю стола, от основания большого пальца левой руки до родинки на середине его предплечья тянулась бледно-синяя татуировка в виде надписи на латыни – банальность, выбитая юностью. Его лицу совершенно не шла растительность, лишь легкая щетина. Зачем я пытаюсь найти в нем изъяны?

– Ты со всеми такой прямолинейный?

– Ты мне нравишься, – сказал он просто.

Счет предательски не несли.

– Все еще? – молния на папке наконец-то застегнулась.

Элай засмеялся. Мне же, осознавшей весь абсурд нашего разговора, с трудом удавалось не улыбнуться в ответ. И все же, видимо позже, я откажусь от возможности быть обычной девушкой, которая гадает, позвонит ли он на следующий день или нет, а потому, зачем изображать кого-то, кем я не являлась? Я отложила вещи и произнесла, скорее просто вслух, нежели для поддержания разговора:

– Меня всегда удивляло, как люди, лишь поверхностно с тобой знакомые, думают, что все о тебе знают, и начинают дарить советы или самонадеянно давать оценку поступкам, о причине которых даже не подозревают.

Он словно ждал подобного:

– Знаешь, я понимаю, о чем ты, но ты действительно видишь всех таким? И, будем честными, людям нужно, чтобы к ним лезли – и тебе, и мне, и всеми остальным жизненно необходимо, чтобы ими интересовались. Иначе мы просто перестанем размножаться. Нам нужно, чтобы наши границы нарушали, и нужно нарушать их в ответ – только так становится понятно, кто перед тобой и стоит ли ему доверять.

Но, даже понимая, что я злюсь не на сидящего передо мною мужчину, а лишь на себя и ту, которая зачем-то разболтала обо мне слишком многое, его защитная реакция, вылившаяся в эту короткую глупую речь, распалила меня еще больше:

– Хм, так дело в размножении? Остроумно. Но вот в чем вопрос: гостем или вором является тот, кто лезет к тебе через забор без разрешения? И растет ли хоть что-то в его собственном саду?

И пока я несла этот вздор, подавшись всем телом вперед, край стола больно впился мне в ребра, а Элай в свою очередь склонился настолько близко, что я была готова обвинить его в краже воздуха.

– Думаешь, я настолько поверхностный? – спросил он с нотой досады в голосе и улыбнулся только губами, – может, десерт?

Я была благодарна, что он не рассмеялся. От неловкости и злости на себя хотелось разорвать приторно-сладкий от ванили воздух. Я знала, что обидела его, но так же знала, что совершенно не собиралась этого делать.

Неубедительно извинившись, вместо прощания я зачем-то попросила:

– Сообщите о вашем решении.

День только разгорался, и солнце липкой патокой заполняло задыхающийся от света и красок парк. Попытки успокоиться в мерном шаге только усиливали чувство, будто я была маленьким насекомым, что попало в банку с медом и медленно в нем увязало. Что на меня нашло? Почему я вышла из себя? Чем этот мальчишка, коих я встречала не мало, так задел меня? Ухаживания, свидания – вся эта наивная романтика не волновала меня еще в юности, не трогала она меня и сейчас. Едва ладонь юного смельчака касалась моей ноги, я видела, как он ее отдергивает, и, подняв взгляд, просматривала тот же сюжет в реальности. Разочарование было моей альтернативой злости, оно же сопровождало возможность начала любых отношений, но я никогда не выдавала себя, так чем же эта встреча с Элаем отличалась от других? Мой дар проигнорировал его, так почему, решив оставить поиски, я не воспользовалась шансом побыть нормальной?

Я уже физически слышала запах меда; смешанный с цветами, он стал настолько густым, что закружилась голова. Прозрачные осенние оттенки перестали быть свойствами предметов и обрели свою плотность; меня обступили испорченные структуры – деревья, дома и прохождение, потеряв обособленность от мира, все слилось в бесконечный мираж. Невозможно утонуть в земле, но я тонула, осталось лишь закрыть глаза.

Из глубины поднимался приглушенный звук, знакомая мелодия набирала силу, и, подхваченная ее волей, я почувствовала, что могу сопротивляться, нужно лишь синхронизировать движение рук и ног, а там – голова окажется на поверхности, и можно будет дышать.

«Проснись!»

И я открыла глаза. Экран телефона в моей руке погас, под ногами зеленела трава. Я стояла на коленях в нескольких метрах от дорожки, по которой, должно быть, шла, пока... До скамейки было всего лишь несколько шагов, но не в силах больше терпеть усталость, словно после долгого заплыва, я опустилась на землю у ближайшего дерева. Столь сильного провала со мною еще не случалось.

Снова зазвонил телефон. Оказалось, что прошло уже полчаса с тех пор, как я покинула кафе.

– Ну, как?

– Глупая шутка. Едва он полез обниматься, я поняла, чьих это рук дело. Ты не поленилась и написала инструкции?

– О, я не сдержалась. Прошу, скажи, что он остался жив! – в динамике раздался смех.

– Что ты ему обо мне рассказала?

Я спросила спокойно. Раньше в такие моменты я бы при первой возможности коснулась человека, чтобы скорее покончить с бессмысленными отношениями, в которых ему было так сложно придерживаться одного единственного правила – не обсуждать мое прошлое с посторонними, но я нашла иной выход – рассказывать лишь часть истории, а другую приукрашивать. Людям важно, чтобы им доверяли, и хорошо, что в моем случае проверить биографию было невозможно.

– Только самые общие вещи, ты же понимаешь... Сначала просто к слову пришлось, мы обсуждали кого-то, а потом он увидел твои работы и пазл сложился. Уна, прости, я помню твою позицию, но зашел разговор... Больше никому, обещаю, – она так быстро протараторила эту речь, что сомнений не оставалось: как и большинству, ей было стыдно не от содеянного, а оттого, что ее поймали.

– Ладно, забудем, все равно мы больше не увидимся, Элай не планирует заказ, – я радовалась стабильным очертаниям мира вокруг. Солнце вернуло привычную осеннюю уравновешенность, земля оставалась твердой, какой ей и следовало быть.

– Мне жаль! Но, согласись, какой же он красавчик!

Я задумалась лишь на секунду.

– С точки зрения классических пропорций, пожалуй, нет, – слишком широкий подбородок, впалые щеки, выдающийся, немного короткий нос, – но, да, он почти красив.

– Как же с тобой временами сложно! Я же не просто хотела подкинуть тебе работу, ты уже год как свободная девушка. Со своими тараканами, конечно, но и Элай не так прост, я специально не показывала ему твоих фотографий.

Ко мне снова вернулось чувство неловкости за сцену в кафе.

– В чем же его подвох?

– Говорят, он верит в любовь, единственную и во веки веков.

– Сказочный принц в поисках принцессы, пастушкам просьба не беспокоиться.

– Оставь свой цинизм, вы похожи, он тоже предпочитает называть секс близостью, а ты – не так наивна, как хочешь казаться.

Мы редко говорили о сокровенном, а, если подобные беседы и случались, то внезапно, заставая меня врасплох в самом неподходящем месте. В такие моменты я понимала, что окружающие меня здесь люди были гораздо более одиноки, чем я думала о себе.

Однажды, пока мы бродили по магазинам, она внезапно спросила:

– Тебя пугает старость?

– Не слишком ли рано ты об этом заговорила? Ты еще слишком свежа, чтобы...

– Уна, я в целом, о явлении, – она рассматривала в зеркале примерочной свои мнимые и реальные недостатки, словно уже сейчас могла разглядеть весь урон, что принесет ей время.

– Старость некрасива.

– Как зеленые глаза? – произнесла она и отбросила в сторону не подошедший наряд.

– Это наша тайна, – и я снова пожалела о сказанном когда-то.

– Старики с безжизненными, выцветшими глазами... – брезгливо поморщилась она, – знаешь, как в легендах, когда мудрецы и герои, сталкиваются со страданиями, болезнями и немощью, они не прячутся, они принимают этот мир или ищут пути освобождения. Я бы провалила эту проверку, встретив первого нищего.

Старение и смерть – все формы неизбежности, что ошеломили меня восемнадцать лет назад, волновали уже не столь сильно, но, даже прекратив поиски дома, я не приняла все правила этого мира.

– Значит, пока мы еще молоды, нужно натворить столько глупостей, чтобы дети краснели от наших рассказов, а внуки гордились, что мы их бабушки.

– Кстати... ты никогда не говорила, сколько у тебя было мужчин? – ее стратегией была внезапность. Подозревая в утаивании от нее некой правды, она старалась поймать меня на несоответствии показаний.

– Ты же знаешь, пальцев одной ладони хватит для пересчета. Но я дала обещание догнать тебя и я догоню.

Ей нравилось представлять себя женщиной свободной от предрассудков; боюсь, я так же могла не видеть всех своих ограничений.

– Тогда не отказывайся от тех вариантов, что я тебе предлагаю, тем более таких...

– Каких?

– Других. Сколько можно страдать из-за одной мерзавца?

В замешательстве, я не нашла, что ответить.

– Видишь, ты даже не отрицаешь. Нет, он, конечно, по-своему красив, но это не давало ему права соблазнять студентку.

Необходимость всегда держать в голове придуманную легенду – проблема для меня не столь великая, как рассказать историю подлинную – никто из живых в нее не поверит.

– Кажется, на третьем курсе, ты...

– Да, да, да, но с одним отличием: я удовлетворила свое любопытство, и мы мирно разошлись. И я не рисую портрет своего преследователя на каждой салфетке. Кстати, ты ему слишком льстишь.

Как объяснить, что мужчина, которого она видела в студии, был лишь слабой тенью оригинала, стереть из памяти который я так старательно пыталась и оттого изображала на любой поверхности, лишь только подступал страх действительно забыть его черты?

– А нас, кстати, ты ни разу не рисовала. Я вообще думаю, что он воспользовался ситуацией и твоей уязвимостью, а то, что тебя можно принять за его дочь – это вообще перверсия...

– Постой, наша связь его не красит, но не будем делать из него извращенца, тем более первые шаги сделала я. Он же говорил, что сам, скорее всего, никогда бы не решился. Я, правда, совсем по нему не скучаю, просто привычка. И обещаю написать ваши портреты. И снять трубку, если Элай позвонит, – пора заканчивать псевдо-сеанс психоанализа, – как твои дела?

Мы познакомились, а затем сошлись год назад, когда они с сестрой пришли на мастер-класс по рисованию в студию, в которую я устроилась преподавать. Своими четкими целями и подходом к жизни как к эксперименту эти сильные девушки действовали на меня одновременно отрезвляюще и успокаивающе. Не думаю, что они верили в конечность своего существования.

– Ты, конечно, перевела тему, а я выговорила, за что спасибо, но все равно – прекращай. И в целом, вернись к творчеству, хватит скрывать талант, прекрати жить прошлым. Чем он так тебя зацепил?

– Он часто говорил, что я красивая, – почему-то вспомнилось мне.

Все, кто раньше говорили подобное, теперь лишь молчаливо смотрели на меня с холста.

– Другие этого не говорят, потому что это очевидно, а еще – они боятся! Ты же никого к себе не подпускаешь!

В то раннее утро все было чрезмерно: бессмысленный разговор, неумеренно яркое солнце, мужчина вдвое старше меня, преувеличенно веселый и слишком напряженный. Позднее он уверял, что то смущение было неподдельным, что он едва сдерживался и не знал, что со мною делать.

– Я не встречаюсь со студентками, – внезапно произнес он. Четвертый кофе, мы были одни в душном зале. Совсем скоро ему станет недостаточно обладать мной физически, и я напомним ему эти слова.

– Простите, я не умею играть в... Можете просто... поцеловать меня?

Кажется, первая близость принесла мне меньше боли и разочарования, чем та глупая, безумная надежда, что, как только его губы коснутся моих, то мир перевернется, все образы в моей голове наконец-то оживут, случится волшебство, и я открою глаза там, где должна была быть. Наблюдая за сверстниками, я узнала, что многие в этом возрасте заблуждались не менее моего, а привычное окружение служило им в этом опорой.

«Я встретила человека с глазами самого темного янтаря, волшебными, словно хвосты павлинов на стенах моей комнаты. Разве при такой красоте имеет значение размер их голов?»

Пока разум боролся с привычным наваждением, мое тело училось получать от него удовольствие.

– Ты со мной, моя Уна? – сбивчиво допытывался он, едва приведя дыхание в порядок.

В такие моменты, когда его руки обхватывали мое лицо, и он позволял себе быть уязвимым, я видела лишь Его горящие в темноте глаза и позволяла себе лгать. Ведь это было мое настоящее имя.

Травма

– так он определял мое безразличие к нему как к человеку, и думал, что оно было связано с прошлым.

– Уна, прости, но... с тобой в детстве ничего не происходило в плане...?

– Нет. Нет, конечно, – все отрицая, я давала себе зарок больше никому и никогда не доверять свою историю. Единственное сделанное исключение, откликнувшееся сегодня болезненным уроком, подтвердило правильность этого решения. Достаточно было просто слушать и делать вид, что сказанное собеседником тебе понятно, не требовалось даже соглашаться, а главное – нельзя высказывать мнения противоположного – и можно с легкостью избежать лишних вопросов, осуждения или интереса к твоим делам. Дистанция и благожелательность – я адаптировалась в этом мире.

– Ты почти ничего не рассказывала о том периоде. И что было до того, как тебя нашли. Я не настаиваю, понимаю, это болезненно, но... все же, может быть, сходим к психологу? У меня есть знакомый, владеющий гипнозом.

– Думаешь, я прошла мало врачей? Нет, оставь это. А все, что было до... оно размыто. Прошрое меня не беспокоит. Но, пожалуйста, не обсуждай его ни с кем, мне не нужны полные сочувствия и сожаления взгляды от малознакомых людей.

Умение скрывать себя, недоговаривать пришло ко мне быстро. Картины дома и побега не стерлись из памяти, но вместе с сомнениями они не стоили и гроша без знания, откуда я появилась в этом мире более шести тысяч дней назад.

– Милая, беги вперед и не сворачивай в лес! Передохни, только когда камень останется позади, когда дорога за ним будет осязаема! А дальше, только вперед, не смотри на свет с маяка... Не останавливайся до камня, чтобы ты не увидела и не услышала! Я люблю тебя, помни!

Я хорошо запомнила твои слова, мама, но с первых же шагов после расщелины меня ослепили глаза монстра, несущегося из крошечной тьмы, и я нырнула в лес. Указанием было бежать вперед, и я бежала. Бежала, пока были силы, пока сквозь темноту не проявились отблески нового дня, а вслед за ними и цвета: изумрудное сияние отовсюду, с каждого огромного листа, с травы, с кустов, цеплявших мою промокшую одежду. Малахитовая преисподняя! Пусть на моем пути и не встретилось ни единого зверя, пусть ни одна птица не была потревожена моими шагами, весь лес – он был живым, он наблюдал, сопротивлялся моему движению, пытаясь затолкнуть обратно в бесплодную пропасть карьера.

В этом мире я почти научилась верить в магию и чудеса, но, если бы научные исследования доказали, что у зеленого цвета есть душа и он умеет дышать, я бы усомнилась в своем неверии. На моих картинах его не было и никогда не будет.

Три дня почти без сна, сбившись с дороги и так и не найдя камень, я потеряла скудные запасы еды и утопила одну туфлю в болоте. Позже, возвращаясь мыслями к тем дням, я так и не смогла найти оправдания тому, как меня собрали в путь, тому, что меня ничему не научили. Карты, компас, провизия, фонарь, деньги – разве они не знали? Неужели никто и никогда не покидал Убежище? Хотя деньгами меня снабдили: подаренный дамой с балкона мешочек золотых потерялся еще в лесу или у взрослых, когда различные службы меня передавали из рук в руки.

– И ничего не бойся, мы с тобой. Пиши мне письма и приноси их во снах, моя Уна... Я буду отвечать.

Но ты не выполнил своего обещания.

Ночами было не так страшно, как днем: в оттенках черного, спрятавшись в огромных, куда-то ползущих корнях деревьев, я представляла, что кутаюсь в темноту, как в твою накидку, дыша запахом твоих последних объятий, еще хранившемся на моей одежде. Смешно, но тогда я действительно засыпала с мыслями, что вы где-то рядом, следите, чтобы не случилось беды. Ведь как только смыкались мои глаза, вы возникали передо мной и подгоняли «только вперед, нельзя останавливаться!»

На третий день я уже не могла бежать. Коряга, уцепившись за платье, казалось, хотела затащить меня вглубь, под заросшую мхом кочку, ненадежная почва внезапно становилась топью, быстро набирающей воду в том месте, где только что была моя легкая нога. И я принесла одной из них в жертву мою правую туфлю, повторяя движения ритуала и напевая дрожащим голосом строки молитв, что подсмотрела-подслушала в одном из помещений Храма.

Лишь спустя четыре тысячи дней я перестала винить себя за то, что не смогла выполнить столь легкое задание – убежать за чертов камень, за то, что сбилась с пути и не спала трое суток, за то, что только под конец третьего дня набрела на лесную дорогу, которая и вывела меня на залитую светом звезд и слепящих фар трассу. За то, что потеряла сознание, и никакой гипноз не помог мне вспомнить, кто и где меня нашел. Все, что удалось узнать позже: незнакомые люди привезли и оставили меня в клинике в ближайшем на их пути населенном пункте, а там – непонимание, утрата бумаг и вот – я вдали от места, где потерялась и нашлась, без шансов узнать, где это случилось.

Там, куда меня определили, я имела преимущество: я знала, что останусь здесь до шестнадцати лет, а после никогда и никого из этих людей больше не увижу. Тогда я еще не понимала, что выйти за пределы ограниченного мира детского дома означает нырнуть из беспомощности в безразличие; что с приходом свободы одиночество, приобретенное за две тысячи шестьсот дней, никуда не уйдет.

Сначала оно было вынужденным. До трех тысяч... вернее, девяти лет мое детство было наполнено близкими людьми, их любовью и историями, рассказанными и написанными на разных языках. После же остались лишь воспоминания об этих историях, которые никому нельзя было поведать. Я пыталась, но ни взрослые, ни дети мне не верили:

– Странные сказки...

– Глупости! Ты не могла быть знакома с этими людьми.

– Бедняжка, может, травма? Все смешалось в голове – книжные вымыслы, забытые факты.

И, чтобы не перестать верить самой, я заменила слова на краски и почти перестала говорить. Это было вовсе не сложно, ведь тогда мне казался скучным и странным тот факт, что столь много непохожих людей изъясняются лишь на одном языке. Не самое большое разочарование. Значительно позже, уже в академии куда более трудным испытанием для меня стало принятие факта, что у всех, кого я знала, был один и тот же план на жизнь и не более трех альтернативных стремлений. И, если в последнем я была разочарована, то первое вызывало во мне зависть, ведь собственного плана на жизнь, кроме поисков, я не имела, а сторонний был мне не по размеру. Возможно, поэтому запретные отношения ученица-учитель закончились сразу, как только я перестала примерять на себя чужеродную форму существования.

Грохот, раздавшийся с неба, заставил меня вздрогнуть. Когда успело стемнеть? Чугунные тучи, слишком тяжелые, чтобы продолжать опираться на воздух, грозились излиться или свалиться на головы малочисленных неразумных прохожих. Чертово кафе, слишком много воспоминаний о человеке, лишь внешне напоминающем того, чей образ вырезан во мне так же, как его история в камне маяка. И о тех, кто оставил меня в этом мире, где существование конечно, где будущее планируется, а реальность настолько осязаема, что не требует интерпретаций, и ты можешь надеяться только на себя.

Раскаты грома разрастались, но дождь застал меня только у дома – можно не спешить в пустую квартиру, где ждали лишь холст и краски. Теплая вода утяжелила волосы, но никак не помогла унять головную боль. Четыреста дней без снов, без писем и без друга. Мои попытки разозлиться и отпустить прошлое снова провалились.

Раскаленный металл

стекал с окна на пол, бесшумно пересекал комнату и вопреки гравитации подымался вверх, прямо к моим глазам. Нужно было занавесить окна на ночь, но прошлый день вымотал меня настолько, что едва захлопнув за собою дверь, я, как попало, сбросила с себя мокрую одежду и упала в постель. Еще не проснувшись, я протянула руку к телефону – восемь утра и уже одно сообщение.

«Привет! Солнечный свет сегодня, Уна, почти такой же, как на твоих картинах!»

«Бесцеремонный?»

И зачем я поставила знак вопроса? Кофе, душ и собраться с мыслями. Но телефон снова подает сигнал.

«Настроение – вчерашняя гроза?»

«Поверь, Элай, оно не бывает лучше даже после дождя, даже после душа, куда я как раз собираюсь».

Он ответил почти сразу: «Дай знать, как выпьешь кофе».

Похоже, Элай рос очень любимым в своей семье. Моему первому любовнику родители ставили слишком завышенные цели, и результатом стал образ достаточно убедительный для ежедневного выхода в люди, но неестественный вблизи. И чем дольше мы были знакомы, тем ярче виделся этот контраст. Цельные и оттого уверенные в себе люди – таких я встречала редко.

«В чем твой подвох?» – ответила я и поплелась в ванную.

После душа лучше не стало, и две подряд кружки кофе лишь помогли осознать, что на работе я сегодня не появлюсь. Написав в студию полуправду о вчерашнем ливне и сегодняшней температуре, я получила ценные советы по лечению и вернулась в постель. Был ли в моем поступке смысл? Не лучше ли было отвлечься в знакомой рутине? Почему, свернувшись под одеялом, меня не успокоило бормотание мантр? Никогда не работало – к чему самообман? Если бы я знала, как направить поток мыслей в нужное русло, то не лежала бы сейчас здесь, в своей небольшой квартире, разглядывая свежеекрашенную стену. Не менее пяти раз на ней появлялся Его образ, и не менее пяти раз я закрашивала любимое лицо черной, синей, желтой и даже золотой краской. Теперь настала очередь багряной.

Мне нравилось одиночество моей квартиры, но временами невыносимо становилось даже здесь. Голые стены, никаких напоминаний, но я снова и снова возвращалась мыслями в прошлое. Хуже были только провалы, так я окрестила мою неподдающуюся лечению болезнь. Она явилась ко мне год назад и стала едва ли не самым близким другом. В такие моменты, не важно, слушала ли я только что, кажется, даже с интересом, чью-то болтовню, смотрела ли фильм или резала салат, один хлопок ресниц – и собеседника, актеров, кухню будто смывало мощной волной, которая, отступая, оставляла плотный сладкий воздух и провал в памяти за это время. Мой рекорд – неделя ремиссии без рецидивов, но вчерашнее обострение раскрыло в моей болезни нечто новое. Нужно на воздух.

Не задумываясь над выбором одежды, наспех побросав необходимое в карманы легкой куртки, я схватила папку и выбежала из дома.

Город спешил, его темп разгонял во мне кровь, умиряя беспокойство внутри. Погода – явление женского пола: безветрие молчало о вчерашней истерике, лучезарное солнце и отмерянные на этот год остатки тепла сменили ночные рыдания. За двадцать минут скорого шага у меня оформился план на день, и, купив в ближайшем магазине сигарет, я прыгнула в трамвай.

Как обычно в это время, кладбище было пустым. Одно из самых живописных в городе, но здесь не было знаменитостей, а потому и толп туристов, как впрочем, редко встречались и скорбящие родные местных обитателей. Я сразу сошла с центральной аллеи и направилась в низину, где находились самые ветхие могилы. Устроившись между двух расположенных друг

напротив друга заброшенных надгробий, я достала сигареты. Надписи на плитах истерлись, а за давностью лет имена людей лежавших под ними стали загадкой для всех, в том числе и для местной администрации; и я присвоила их себе. Безымянность не была изъяном, я выровняла один из покосившихся памятников, посадила куст жимолости, а затем стала приходить сюда несколько раз в год, чтобы ухаживать за цветами и разговаривать.

– Иса, Неизвестный, – поприветствовала я камни.

Защищенная с двух других сторон склоном и ограждением, я никому не должна была помешать. Телефон запищал, как только я достала сигарету.

«Чем занимаешься?» а раньше – ответ на мой вопрос: «Расскажу на свидании».

«Учусь курить».

«Зачем, это глупо?»

Танцовщицы и рыжебородый великан из моего прошлого смолчили одну за одной – тонкие дурманящие самокрутки у первых и более похожие на те, что лежали в моей пачке, у второго. Мундштуки и трубки разнообразных форм и размеров – в детстве курение казалось мне неперенным атрибутом взрослых, одним из их таинственных ритуалов. И вот, я уже смотрела на себя со стороны: также непринужденно, будто одна из танцовщиц, я подносила сигарету к губам, поджигала ее, глубоко втягивала дым...

– Черт, какая дрянь!

...а затем, стоя на коленях, выкашливала свои легкие на землю.

Небо горело от пляшущих над моей головой ветвей, усыпанных переливающимися, словно огненные опалы, листьями. Покой, нарушаемый лишь тревожным шуршанием голубиных шагов и чувством, что за тобой наблюдают – приятная иллюзия, навиваемая атмосферой старинных развалин, скульптур, ароматом влажной почвы и гнилых листьев. Нужно переломить себя и начать хотя бы с покупки краски, тюбика с этикеткой «Изумрудный». Мне нужно составить план.

И хотя моя глупая самонадеянность обернулась голодной судорогой в пустом желудке, в голове клубился приятный туман, и я взялась за карандаш. Минут через десять телефон снова дал о себе знать, на этот раз Элай решился на звонок.

– Не глупи, в твоем возрасте поздно начинать убивать себя никотином.

– Я попробовала, мне не понравилось. Но, говорят, привычка вырабатывается не с первого раза. Нужно лишь задаться целью и идти к ней.

– Видимо, тебе некому дать по губам.

– Спасибо, что напомнил.

– Часто разыгрываешь эту карту?

По неизвестной причине улыбаясь, я водила карандашом по бумаге.

– Я не помешал? Ты на работе?

– Нет, я немного простыла после вчерашнего ливня, так что взяла отгул, – легенду для правдоподобности нужно повторять, даже если собеседник и тот, кому она предназначена, никогда не встретятся.

– И гуляешь по улицам? Бегом домой!

– Слишком дерзко для второго дня знакомства.

– Ты социально осознана? Заразишь других.

– Я на кладбище, здесь уже все мертвы, – я осеклась, но было поздно, фраза уже слетела с моих губ.

К чему это упражнение в остроумии? Что он теперь обо мне подумает и почему меня это волнует? Не важно. Сколько уже длится пауза?

– Значит... компания тебе не чужда? – его голос звучал немного озадачено, но я не почувствовала издевки.

– Я волонтер.

Ответ вышел не слишком находчивым и крайне неубедительным. Вспомнив, как прошла вчерашняя встреча, я спросила:

– Так зачем ты позвонил? Определился с картиной?

– Мне показалось, что ты хочешь мне что-то сказать. И, да, определился еще вчера, но сейчас мы можем просто поболтать.

Можем, но я вспомнила, что не знаю твоих намерений. Вряд ли они непредсказуемы, и все же – чем обусловлен его ко мне интерес? Любопытством коллекционера или жалостью?

– Паузы – это даже хорошо. Если молчанием ты выражаешь согласие, я могу начать.

– У тебя на щеке был шрам, на скуле, недалеко от глаза. Кажется, справа?

С бумаги на меня смотрел набросок портрета Элая; подруга была права, он был красив, и шрам, будто помещенный на это лицо, чтобы указать на его совершенство, только усиливал эффект.

– Да. Ты запомнила? Всегда думал, что он не сильно бросается в глаза. Мне было лет девять, разыгрались с младшим братом, за нами приглядывала сестра. И, вот, мы ее, как обычно, довели, и она бросилась нас разнимать. Так все и сложилось: ее усилия, приложенные к моему сопротивлению, равно мальчишка, с ускорением отлетающий на ни в чем неповинного пса. Который, в свою очередь, сорвался с места и толкнул меня на открытую дверцу шкафа. Не скажу, что эта история нас с братом чему-то научила, только сестра перестала вмешиваться в наши драки, и до сих пор, когда встречаемся, мы получаем от нее подзатыльники за поведение двадцатилетней давности.

– Я так и подумала, – и снова прикусила язык.

– Что?

– Что у тебя большая дружная семья.

Он не скрывал, что ему понравилось услышанное:

– Приятно знать, что ты думала обо мне. Все так, мы близки, мне действительно повезло с семьей. А откуда твой шрам?

– Мой?

– На шее. Он не заметен, особенно с распущенными волосами, но, ты гладила кожу сразу под костью, когда волновалась. И я мельком увидел его, когда ты встала и повернулась попрощаться.

Историю появления этого шрама я рассказывала лишь однажды. Тот человек практически свалился на меня, потеряв равновесие в начавшем движение поезде. Мы едва обменялись несколькими дежурными фразами: извинения, изнуряющий зной, откуда вы и ваш род занятий. А затем, подобно тебе, Элай, мой случайный попутчик спросил меня об отметке на шее. И я повела себя так, как ненавидела, когда подобным образом вели себя другие – не смогла умолкнуть, не рассказав до конца историю о том, как первый месяц снаружи не понимала законов этого мира, пока не почувствовала осколок стекла, прижатый острием к моему горлу.

– Откуда у тебя эта вещь? Украла? Отдай сама или я вырву ее с корнем!

Та девочка была старше меня лет на пять и не раз пыталась унижить или обидеть, но сложно задеть человека, который не знает правил игры. Видимо поэтому в тот день в ход и пошло насилие физическое.

– Это мое, вам эта вещь ничего не скажет.

– Ты больная? – она надавила на стекло и я дернулась.

Вот и вся история происхождения неровной полосы в четыре сантиметра на моей шее. Не помню, чтобы мне было больно в тот момент, но помню свое удивление. Я видела кровь, например, от падения, знала, что другой человек может стать причиной ее появления, ведь дома, у площади я часто наблюдала фехтующих, но их порезы были результатом договоренности.

– Ты знаешь для чего нужно это украшение и насколько оно древнее? – спросила я, прикрыв рукой приколотую к моему скромному платью фибулу.

– Ты точно больная! Так сколько ей лет? – ее голос стал выше, истеричнее, оставлять следы явно не входило в ее планы. Бегающими глазами она одновременно следила за тем, чтобы я не выкинула чего-то неожиданного, и за тем, как тонкий красный ручеек на моей шее, столкнувшись с тканью, разрастался до размеров озера на моей груди.

Я же молча пыталась сложить знания о дарителях фибулы и местном летоисчислении. Деление четырехзначных чисел в уме не являлось моим талантом, точный ответ я могла дать только в днях.

– Я...

– Снимай! Что еще в твоей сумке? – она коснулся моего обнаженного предплечья, и я закрыла глаза.

Удар в солнечное сплетение и я бегу. Бегу к дереву, растущему сразу за сараем, в который они меня загнали, по веткам карабкаюсь в самую высь – вот мои навыки и наконец-тогодились! Оглядываюсь на преследователей, но один из них срывается и...

– Если продолжишь, тебе будет больно, – открыв глаза, я говорила спокойно, это ситуация была мне привычна, – но ты не слушаешь и продолжишь, а я побегу.

И в тот момент я осознала странную вещь: хотя мой обидчик и обладал большей силой, у меня было серьезное преимущество – знание того, о чем было не ведомо ни нападающей, ни ее спутникам. Подобного никогда не случалось в Убежище и я... я решила отступить.

– Сокровища. Но ты будешь достойна их, только если пройдешь испытание и докажешь свою силу, свое право ими обладать.

Думаю, легенд и сказок я знала гораздо больше, чем та глупая девчонка, иначе, памятуя о том, как они заканчивались, она бы просто вырвала сумку из моих рук. Но провокация, чем, как я поняла значительно позже, являлись мои слова, сработала верно. Противник вызывающе кивнул.

– Если есть на свете драгоценности того стоящие, доберись до верхушки старого тополя, – и я указала на дерево метрах в тридцати от нас.

– Да как нечего делать, – ухмылка некрасиво перекосила ее лицо. Видимо, она услышала лишь первую часть моего воззвания. Круг обступавших нас детей разомкнулся, и уже через секунду горланящая имя предводительницы орава ринулась в указанном мной направлении.

– Нужно приволочь мелкую!

– Да куда она сбежит?

А я и не пыталась сбежать. Но, когда подошла к толпе возбужденных детей, моя мучительница уже добралась до середины дерева. Снизу было видно, что карабкаться выше ей становилось все сложнее, она перестала кричать гадости и медленно, отдыхая после каждого движения, продвигалась к своей цели.

– Ты крута, не лезь дальше!

– Давай просто отнимем у нее все!

Не дождавшись ответа, трое из ребят подошли ко мне вплотную, и тот, что был старше, с силой дернул сумку из мои рук.

– Нет, все не так... вы не можете причинить мне вреда. А она – она должна упасть, я буду смотреть на нее сверху...

Мне не было страшно, я просто не понимала. Мой дар, он не мог меня подвести. В новом мире все, что у меня было – это лишь он, моя память и несколько вещей. Задрвав голову, я смотрела как та, что хотела оставить мне в утешение только память, достигла высоты из видения, а дальше – и тому надлежало произойти – она оступилась.

– Ни при падении, ни на земле она не кричала. Позже я услышала перешептывания «бедная девочка, она сломала шею об ветки». Меня же с тех пор сторонились и больше не трогали. «Ведьма! Ее вещи заговорены, а сама она проклята!» Так, наконец-то в покое, я начала изучать этот мир, и первым делом посмотрела в энциклопедии значение слова «смерть».

– Довольно поздно для ребенка, – прокомментировал мой попутчик.

– Я знала это слово, оно встречалась в легендах, в рассказах людей из моей... деревни, но случалась она с другими, вне моего окружения. Все утверждали, что это свойство ни мне, ни им не присуще.

– И что ты хочешь найти в Бенаресе? – спросил тогда он меня.

– Ответы.

– Мне показалось, ты умная, а ты говоришь туристические банальности, – вздохнув, он произнес эти слова на своем языке, а затем, улыбнувшись напоследок сжатыми губами, отвернулся.

И я не стала показывать ему портреты тех, чьи следы искала – пусть лучше думает, что его спутница глупа, нежели, что она сумасшедшая.

– Ветка.

– Ветка, – Элай тихо повторил мою наспех сочиненную версию, и, может виной тому был его открытый честный взгляд, выведенный мною же на бумаге, как следом я произнесла:

– Прости, может, когда-нибудь я расскажу тебе эту историю, я уже не уверена, но не сейчас. Не знаю, не хочу сочинять, – я вздохнула, сейчас бы не помешало умение курить, – и тогда, скорее всего ты перестанешь воспринимать меня как милого раненного олененка.

– Сипуху.

– Сипуху... – наш разговор стал напоминать пинг-понг.

– Очень милую сипуху. Я буду рад выслушать, – он снова попытался вернуть беседе осмысленность, – думаю, шрамы интереснее татуировок, к ним хочется прикоснуться. Как будто их можно разглядеть.

Я отдернула пальцы от его шрама-двойника.

– И ты опять молчишь.

– Думаю, твой шрам стал приманкой для многих сердобольных девушек. Признайся, раньше он был глубже?

Лучше бы я промолчала, в динамике послышался довольный смешок, а карандаш в моих руках уже выводил ухмылку на его губах.

– Я вспомнила одного человека, давно его знала. Однажды, точно не вспомню обстоятельств, мне довелось увидеть его без рубашки, – рассказывая это, я пыталась изменить ироничное выражение у копии лица моего собеседника на более серьезное, – знаешь, есть такие детские головоломки? Лабиринты, где нужно провести ручкой из входа к выходу, но постоянно упираешься в тупики?

– Да, – негромко ответил Элай. И я зачем-то продолжила:

– У него все тело представляло собой лабиринт без входов и выходов, одни тупики, – его портрет жил среди других, только моих, спрятанных от чужих глаз холстов.

– Откуда они?

От плети, меча, когтей – кто мог знать точно?

– Уна?

– Я пыталась вспомнить, но, нет, не знаю, это было так давно. Его шрамы тебе навряд ли захотелось бы потрогать.

– Не знаю... либо ты пытаешься смутить меня либо...

– Больная?

– ... в тебе очень много невысказанного. Извини, – закончил Элай.

– Разве тебе интересно общаться с такими паузами?

– Да. Слишком необычно все то, что за ними следует. И ты все еще не сбежала, – линия его губ стала мягче, – так почему ты спросила про подвох?

Для ответа на этот вопрос мне бы пришлось рассказать обо всех моих мужчинах, и, хотя рассказ получился бы коротким, я уже и так наговорила много лишнего. Эффект попутчика.

– Мотивом тому стал опыт, – и, не дожидаясь его колкости, я продолжила, – а почему ты не спросил про мой?

– Я его знаю.

– Твоя самонадеянность под стать твоему росту.

– Тебя слишком мало обнимали.

На этот раз я не стала делать паузу:

– Знаешь, помимо прочего моя проблема состоит в том, что я совершенно, абсолютно не разбираюсь в играх между полами. Вчера я оценила твою прямоту. Но тогда получается что ты либо нечестен сейчас, либо слишком торопишься. В любом случае, крепкими объятиями мои... – я безуспешно пыталась найти подходящее слово, – причуды, которые по неизвестной причине тебе, видимо, нравятся, из меня не выдавить. Все, что ты говоришь – это мило, но дело в том, что нашему знакомству второй день и оно может закончиться чем угодно, и я не знаю чем.

Воздух закончился, а мне стало смешно от мысли, как я выглядела со стороны: лежащая среди могил, беседующая с портретом.

– Разве так не всегда происходит? – тихо спросил он, – никому не дано заглянуть в будущее, а в предвкушении, в неизвестности, и есть вся прелесть новых встреч.

– Итогом которых почти всегда становится болезненное разочарование.

– Скажу банальность, но мы формируемся на опыте. Невозможно всю жизнь бегать по крышам, как ребенок с твоих картин, так ни разу с них не свалившись.

«Возможно!» – хотела я прокричать в трубку. Та девочка все свое детство провела в играх на залитых светом мостках и ни разу не упала! Иногда она спотыкалась, сдирала колени, но рядом всегда были те, кто утешал и залечивал ее раны.

– Прости, я несу чушь, просто мне никогда не было так легко и так сложно говорить с человеком. Все время думаю о том, что можно сказать, а что нельзя. И о том, что могло заставить тебя настолько закрыться.

– Спускаться с них на землю не было никакой необходимости, – пора заканчивать, – разве тебе не нужно работать?

– Когда я могу позвонить еще? – его голос звучал мягко и грустно.

Мне нужно было просто говорить о картинах, спрашивать о нем самом и слушать ответы.

– Я напишу. Или позвоню сама. Когда поправлюсь, – вспомнила я.

– Тогда...

– И когда проконсультируюсь, о чем разговаривают люди. Чтобы беседа больше не скачивалась в абсурд.

Элай засмеялся:

– Мы привыкнем друг к другу, и станет легче. А пока можем обсудить, например, книги. Как тебе такая тема?

– Я позвоню...

– Тогда не прощаюсь.

Закрыв глаза, я составляла план на оставшийся день: в двадцати минутах езды отсюда есть место, где готовят отменные аранчини и канноли, почти такие же, как на их родине. Тогда, около двух тысяч дней назад, я привезла из путешествия новые вкусовые пристрастия, оставшиеся со мной по сей день, но чуть не забыла там же, в гостинице воспоминания о юноше, ставшем моим вторым любовником.

Из-за отчаяния ли бесплодных исканий или извращенного чувства, что хотя бы так смогу стать ближе к тому, ради кого был проделан столь длинный путь, в одну из ночей я ответила на улыбку молодого человека, чье разительное сходство с оригиналом развеялось следующим же утром: его волосы были просто темными, а глаза удлинненными и совсем без углов. В рассказах подругам о той поездке я опускала мотивы, побудившие меня тронуться в путь, и делала акцент на этом маленьком приключении. Им было достаточно глаголов, эпитетов и моего поддельного смущения на откровенные вопросы. «Его тело было идеальным, кожа медовой», «страсть? Трижды», «утром я хотела сбежать, но во время опомнилась, что мы в моем номере». Вспоминая реакции на мои признания и исповеди, я переставала чувствовать себя лицемерной, потому что, уверена, мои друзья также недоговаривали о своих реальных чувствах, с той лишь разницей, что их переживания я была способна понять.

«Не возвращайся, чтобы ни случилось»

– гласит записка на столе.

Скатерть, занавески, часы на окне – те же, что были сейчас на моей руке – ничего не изменилось за последние восемнадцать лет. Я пытаюсь осмотреться, найти ее, ту, что оставила это бессмысленное послание, ту, что столько лет не показывалась мне, но границы предметов и букв на клочке бумаги расплываются и начинают трепетать. Запах цветов и меда вытесняет воздух из моих легких, и я открываю глаза.

Надо мной нависала каменная плита, а над нею пылала огнем раскидистая крона. Где я? От резкого перехода в вертикальное положение перед глазами замелькали яркие пятна. По руке лениво сползало блестящее жирное насекомое, сухие листья, слетев с куртки, накрыли лежащий рядом блокнот. На его открытой странице чернела неоконченная фраза: «Планы на...».

Жук наконец-то достиг обнаженной кисти и коснулся лапками моей кожи, но я не почувствовала щекота от его шагов. Он нырнул между пальцами и проследовал к могильным плитам по своим делам. Высвободив ладони из мягкой земли, я попыталась размять онемевшие конечности – мучительная мысль словно зависла где-то между ними, казалось, разгоняя кровь, я смогу нащупать ее, вернуть подвижность, как мышцам, так и памяти.

Надписи, разговор, планы... на что? Вернуться, не возвращаться?

Уна и портреты... Элай...

Я все еще была на кладбище!

От внезапного открытия я вскочила на ноги и снова пожалела о своем порыве. Оглянувшись, будто вор в чужом огороде, я не нашла свидетелей моего пробуждения и непослушными ооченевшими руками попыталась сгрести рассыпанные вещи, чтобы поскорее бежать с неуместного ложа. Наконец, вперемешку с землей и листьями я набила папку бумагой и выбралась из укрытия.

– Вам нужна помощь? – на лице прохожего читались сочувствие и тревога.

Отпрянув от неожиданности, я бессмысленно качнула головой и устремилась к главной алее. С трудом включив на телефоне фронтальную камеру, я на бегу пыталась вытащить сор из запутанных влажных волос. На щеке чернела полоса, стараясь оттереть ее испачканными пальцами, я только сильнее развозила грязь. Умывшись у ближайшего водопроводного крана, я привела лицо в относительный порядок. Редкие идущие на встречу люди косились в мою сторону, но это было не важно. Чужое любопытство всегда обрывается на возврате головы в ее первоначальное положение, с разворотом шеи их снова поглощают собственные мысли и заботы. Лишь невероятно скучная жизнь может стать причиной размышления о столь мало-важном событии, как испуганная девушка, выбегающая, не глядя себе под ноги, из ворот кладбища. Но что заставляет мозг вытаскивать из своих архивов воспоминания, что ему же и причиняют страдания?

Та записка лежала на столе в доме, где я росла, в моем доме, на столе, где мы пили чай каждую ночь, с момента побега и до самого моего поступления в академию. На том столе, где после твоего исчезновения почти четыре тысячи дней я оставляла письма, чувствуя кожей даже во сне, что ты за мною наблюдаешь. Пустая кухня, пустой стол и два письма. Ты не давала мне пройти по дому, я закрывала глаза в своей постели и, открывая их, оказывалась всегда ровно посередине кухни. Ты позволяла мне лишь положить запечатанные послания и сразу же выбрасывала обратно. Даже окна были занавешены! Но каждую следующую ночь стол вновь был пуст.

– Десять лет без вестей и твое первое письмо – «не вздумай возвращаться»? Seriously? Когда я наконец-то решила начать свою собственную жизнь? Да пошла ты к черту! Пошли вы все!

Несколько прохожих озабочено на меня обернулись, но почти сразу же отвели глаза. Я сбавила шаг, рука в кармане что-то больно сжала. Вынув ее вместе с предметом, я невольно засмеялась.

– Новая жизнь, новые привычки, – и закурила второй раз за этот день. И, как ни странно, в это раз это помогло.

В юности, в том кафе, выводя на бумаге черты лица нового утреннего посетителя, – а по воле ли случая или таковой была судьба красивых людей, но едва ли ни каждый второй из гостей притягивал взгляд – исследуя линию плеч, шеи и груди, окутанных вуалью дыма, сочащегося из сигареты, изящно зажатой между их пальцами, я фантазировала о том, какие именно тайны они скрывали, что за уникальные страдания носили в себе эти люди, тление каких печалей они пытались загасить едким дымом. Ответ оказался банальным, теперь я это понимала. Таким же банальным, как и причины, по которым те незнакомцы либо покидали кого-то в столь ранний час и, желая продлить минуты до возвращения в свой дом, соглашались на временный приют, либо не могли уснуть всю ночь и, перестав бороться, оказывались с сигаретой за столиком недалеко от первых, либо... Подобных «либо» было множество, и все они брали свое начало в природе человека. Легкое разнообразие им придавало лишь индивидуальное пристрастие к тем или иным сортам порока, а тяга к страданиям – мой собственный грех – было как раз одним из них. Так на выходе получался человек обыкновенный, упивающийся, как ему казалось, своим совершенно исключительным и оттого невыносимым положением. За той дымкой не таилось никаких сакральных знаний, но она помогала им прикрыть слабость и помочь не растерять остатки жалких сил.

Курить в этот раз было легче, никотин расслабил сведенные мышцы, а от быстрого шага стало теплее. Донимала лишь легкая голодная тошнота. Ноги по привычке выбрали верное направление и уже почти донесли мое тело до закуской. Играл ли со мной собственный разум или родной человек решил, что имеет право на любопытство спустя столько лет, будто в порядке вещей было проверить, как срастаются ткани, заново вскрыв едва ли заживший операционный шов – что это, если не жестокость? В обоих возможных вариантах мотив послания был глуп и бессмыслен: если бы я о них забыла, то никогда бы не вернулась, но если бы помнила, то бросила бы все, не вникая в любые предостережения. А человек, оставивший смятую записку, был вовсе не глуп и в своем даре мог намного больше, чем устроить скучное статичное представление. Пока я спала, пока присутствовала на кухне, пусть лишь мгновение, но достаточное для того, чтобы сделать единственный выверенный шаг и прочесть «не возвращайся...», я знала, чувствовала – она следила за мной! Во сне бабушка могла перенести меня в любое место, что когда-либо видела, в любое – но мы снова были на ее кухне.

Еда оказалась безвкусной, возможно, она и раньше была такой. Мой план на этот день провалился. Безуспешно стараясь отвлечься, мысленно я постоянно возвращалась к тому немногому, что мне осталось после сна: запахнутые занавески, часы на окне, но что было за его стеклом? К чему этот кадр из прошлого? Чьей памяти то была ошибка? Я что-то упускала, словно герой простенького романа, введенный в забуксовавший сюжет. Он проходил по нескольким страницам, и, выполнив свою миссию, бесславно исчезал, так и не осознав себя функцией, с которой бы справился любой другой набор букв.

На полке рядом с моим столиком лежало несколько оставленных посетителями книг. Насколько я любила читать в Убежище, настолько я разочаровалась в этом занятии снаружи, где герои романов были лишь фантазией тех, кто сам не умел жить.

Мои любимые книги были написаны на коже и высечены в камне.

– Гробы и книги сделаны из одного материала, и разве не любопытно узнать, что прячется под их обложкой? – спросила однажды Та, что жила в архивах.

Тогда я не поняла ее вопроса, не уверена, что разобралась и сейчас. Ведь там, где я родилась, в письме не было практической нужды, а люди не умирали. По крайней мере, при мне.

Ее обитель сложно было назвать библиотекой в привычном для внешнего мира значении этого слова. Имя автора единственной современной книги, что я видела в том доме, стало одной из немногих зацепок, связывающих меня здесь с карьером. Но, увы, не помогла и она, оставив в память о себе лишь сюжет второсортного приключенческого романа.

Мало кто отождествляет себя с гниющим в деревянном ящике телом, еще меньшее количество людей обладает знанием, когда и как они умрут. Довольно поздно столкнувшись с явлением конечности жизни, я почти не задумывалась о том, что бы было, коснись я того, кто мог стать причиной моей собственной смерти. Указала бы ему на верхушку дерева? Еще утром под солнцем дышать казалось проще, но на секунду мелькнувшее видение из детства вернуло меня в реальность: на том дереве было так легко и свободно! Так может, если некому меня поймать и предостеречь, бояться оступиться тоже не стоит?

Едва переступив порог квартиры, я упала на кровать и, глубоко зарывшись в одеяла, взмолилась о забытье. Но страстное желание продолжить сон с момента, на котором меня бесцеремонно выбросили обратно, и встретить тех, кто прятался от меня столько лет, слишком возбуждало и не давало уснуть. Что за трусость? Вы выставили меня из дома и не посчитали нужным объясниться, а теперь, когда я почти вас забыла, вы просите не возвращаться...

...и я поняла, что упускала.

«... что бы ни случилось» – заканчивалось ее послание.

Что-то должно было произойти.

Так началась моя бессонница

дни в забытьи, а ночи...

Не помню, как прошел день вчерашний, и наступило сегодня и были ли в этом промежутке другие дни. Закончилась ли чертова ночь или еще продолжалась? Сегодня или завтра я открыла глаза – не затянутый тучами рубиновый отрезок неба освещал уже угасающий вечер.

Кажется, за все то время, что прошло с посещения кладбища, я выходила из квартиры лишь однажды. В тот день полка с едой окончательно осиротела, а тело, превратившееся в измятый комок ваты, потребовало одновременно движения и отдыха. Помню, что обнаружив себя с двумя апельсинами в парке недалеко от дома, я вновь ощутила непомерную усталость и поплелась обратно в постель. Но влажные простыни лишь усилили чувство беспомощности. Когда сразу по окончании школы меня перестал ждать на столе горячий чай, я впала в отчаяние, и, пожалуй, с тех самых пор ни с кем не была искренна ни дня. Но тогда у меня еще были планы. Ночами я писала: всматриваясь в детали картин, что хранила моя память, я переносила их на бумагу, а затем выстраивала маршруты – длинные, через материки, в другие, уже не существующие страны, где забыли ваш язык, и на остров, который не сохранил о Нем даже эха. Когда же не оставалось сил, чтобы стоять или сидеть, в попытках уснуть я часами повторяла одну и ту же мантру.

«Я найду тебя, слышишь?»

Если бы бабушка увидела меня сейчас, она бы непременно привела меня в чувство, ведь разве «не становится грусть чуть прекраснее, когда тебя радует отражение в зеркале?»

Бесполезно бороться с наваждением, если не имеешь возможности осушить его источник. Противостоять бессоннице бессмысленно, нужно всего лишь определиться, следовать ли за здравым смыслом или попытаться от него сбежать. Но зачем переоткрывать истину, найденную за сотни лет до тебя? Наш мир заикленный, круглый, и, куда бы ты не бежал, при любом исходе окажешься в той же точке, с которой ты начал, или где-то неподалеку. И, что хуже того, как бы не воспевали поэты бесконечную свободу мысли и воображения, наше сознание было ограничено, и ограничено буквально – костью, а у кого-то – головным убором. И потому, любая передышка грозила необходимостью остаться наедине с самим собой. Поэтому почти счастлива я была только в дороге, в фантомной близости с вами, с наивной надеждой, что в это раз удача мне улыбнется, и я найду ваш след. Этими мгновениями парадоксально хотелось поделиться и не делить их ни с кем, а теперь они были обесценены самым близким мне человеком.

В одну из ночей ко мне пришла идея посчитать, сколько дней прошло со дня моей болезни.

– Но зачем? Три-пять-семь? – потянувшись за телефоном, я тут же отбросила эту мысль, когда увидела очередные пожелания скорейшего выздоровления из студии, пару сообщений от знакомых и одно новое от Элая.

«Я слишком навязчив?» – навязчив ли? Да все равно. Совсем не помню, как мы пришли к этому вопросу и о чем беседовали до. Пролитав переписку, я обнаружила, что была вполне вежлива, отвечая на его дневные сообщения на рассвете. В памяти остался пропущенный звонок, я не решилась взять трубку: долго не бывший в употреблении голос пропал, но извлеченный словно из горла умирающего животного хрип помог бы мне косвенно подтвердить ложь о болезни. Отказавшись от помощи, мне почему-то стало неловко за обстановку моей маленькой студии, в которой из мебели были лишь шкаф, постель, мольберт и пара полок. В каком-то смысле, моя квартира оставалась девственной, я не приглашала сюда даже друзей. Но не по причине скудности оформления, хотя им бы пришлось сидеть на полу, а из-за вопросов, которые могли возникнуть при взгляде на разрисованные стены, древние карты и книги

на неизвестных им языках – даже смирившись, я не все спрятала в шкаф и не хотела быть узнанной.

«Нет, что ты».

Воздух пах необычно. Осенью масляные испарения от холста разбавлял прилетающий из распахнутого окна терпкий аромат гниющих листьев. В Убежище подобная смесь была невозможна – там, в Храме, запах краски объединялся с дымом благовоний, а дождь шел только в вечно зеленом, неправдоподобном в своем разнообразии лесу, чей растительный мир пополнялся удивительными видами цветов и деревьев с приходом каждого нового жителя. В детстве мне не требовалось объяснения подобных явлений. Как и многих других, что могли бы считаться чудом где угодно, стоило только ступить за кромку огромной каменной чаши, бывшей мне домом.

Я прислушалась: удушающе-влажный, то был запах уныния и протухшего мяса, что усиливался под действием остатков дневного тепла. Этот запах я уже встречала – в той кофейне и в подобных ей на других континентах – человеческое разочарование везде пахло одинаково. Мне было необходимо выйти из дома – сейчас или уже никогда.

Аномально-теплая для конца сентября погода покидала город. Сладковато-горький, сгущенный до состояния зефира воздух давил на плечи. В кармане завибрировал телефон. Проверив, не окончательно ли пришли в негодность мои голосовые связки, я нажала «принять вызов»:

– Привет, – и все же, говорить было больно.

– Почему я слышу звуки проезжающих машин?

– Ветра нет, – а жаль, кажется, я чувствую свой запах, – на улице тепло, а мне нужен был кислород, пока день еще жив.

– Сказала бы, я принес. Или мог бы научить открывать окна.

В редких островках чистого неба сияли звезды. От яркой вспышки фар заболели глаза.

– Не хочешь разговаривать?

– Не знаю о чем.

– О книгах, помнишь?

– Знаешь, на минуту мне показалось, что наш разговор я уже слышала или читала, – глубоко вздохнув, я задумалась, но ответ пришел быстро, – вспомнила. Временами мы обмениваемся с нашей общей знакомой книгами. В них, в большинстве своем довольно легких и романтических, слепленные по единому шаблону и кочующие из незатуманенных голов одних авторов в другие, встречаются-общаются-влюбляются главные герои, и все это они делают в иллюзии своего отличия от окружающей их серой массы безликих людей.

– А чем тебя так пугает шаблон? Помнишь, что классик говорил о счастливых и не счастливых семьях?

– Другой же постулировал: в страданиях прекрасен человек!

– И ты с ним согласна?

– Нет, я никогда не была с ним согласна. Ведь, если бы ты меня сейчас увидел...

Элай засмеялся, и я невольно улыбнулась в ответ. Под лобной костью что-то больно щелкнуло.

– Мне начинают нравиться подобные паузы. Они похожи на минуты стеснения, на что-то искреннее в процессе узнавания. И вся твоя несовременность...

Я прервала его:

– Почему ты думаешь, что у меня никого нет?

– Я работаю с твоей подругой. Но почему ты не спросила, есть ли кто-то у меня?

Вопрос застал меня врасплох.

– Верю в твою честность.

– Или просто не веришь в меня.

– Вера – предмет для обсуждения сложный. В людей, в идеи, в политику. Дело не в тебе.
– Нет ничего плохого в том, чтобы узнать другого человека.
– Он может оказаться никчемным, – за последний год я не написала ничего стоящего.
– Если только я не ошибся, и ты не просто боишься быть откровенной или уязвимой, а тебе нравится чувствовать себя уязвленной.

Довольно грубые слова, но меня они не задели.

– Ты удивишься, если я скажу, что тем, кто мне нравился, я давала понять это первой?

Сквозь деревья показалась темная гладь пруда.

– Может теперь тебе нужно, чтобы тебя добивались?

– Звучит в духе наивного романтизма.

Странно было слышать тишину с его стороны.

– Моя ошибка. В то утро я с самого начала вел себя как дурак. Поверил твоей подруге о богеме и прочем, – я услышала смешок, – она не говорила, какая из твоих картин понравилась мне больше всего? Любовники. Ты сама идеализируешь чувства и обвиняешь меня в сентиментальности. Зачем ограничивать себя в себе же самом?

Если бы Элай знал меня лучше, он бы имел не одну и не две причины упрекнуть меня в лицемерии: не упоминая моего последнего, третьего любовника, я лукавила, но в глазах подруг была героиней – два года ни к чему не обязывающей связи с мужчиной, имени которого я не знала. И просила никогда не называть. Я нашла в кармане пачку сигарет.

– Та картина, она не о любви, она о ее поиске.

Залитая теплым светом фонарей набережная ограничивала собою темное пространство пруда, словно прозрачный стакан с заваренным в нем черным чаем. Но в его стенке имелся изъян, небольшой скол, из которого вода просачивалась наружу и в летний зной привлекала к себе толпу людей. Где были они сейчас? Где влюбленные, поэты и философы проводили эту совершенную ночь? Поддавшись порыву, я сняла обувь и впервые за много дней что-то почувствовала: от прикосновения влажного песка к усталой коже, увязая в нем, я медленно растворялась в чем-то большем...

– Ты ведь сейчас пропустила все, что я говорил?

Черт... и я открыла глаза.

– Прости, – но этого было недостаточно, – я веду себя невежливо, глупо, поверь, я понимаю это. И я, возможно, хочу расспросить тебя обо всем на свете, но не могу, не сейчас. Все разговоры – они уже были. Неважно с кем: мы повторяем одни и те же истории, что случались с нами и с другими людьми. Видишь, какую чушь я несусь? Поэтому, потом, немного позже...

– Уна... Давай я приеду. Или ты... я могу забрать тебя к себе. Просто побуду рядом эту ночь. А завтра выйдет солнце и прогонит все кошмары.

Я легла на прохладный песок. В ночной тишине звук голоса Элая успокаивал, казалось, это говорил ветер.

– Знаешь, когда я впервые его увидела – Солнце – я подумала, что оно искусственное, что этому миру из-за его несовершенства нужен дополнительный источник для подсветки неба. Ведь у меня дома идеальное небо сияло само по себе... Почти все здесь, каким бы громадным оно ни было, казалось мне поначалу смешным и ненастоящим.

Элай молчал. И, глядя на единственный уцелевший среди сплотившихся туч островок чистого неба, я продолжила:

– А звезды... он рассказывал мне о них легенды и на прощание дал наказ – найти созвездия, под которым родился... и я нашла. Но за столько дней, знаешь, карта неба имеет свойство меняться, и над островом, где я впервые ощутила масштаб и красоту этого мира, тоже...

Молчание. Почему он все еще был со мной?

– Дома ночного неба в здешнем его понимании нет, – я засмеялась, – никто не знает, но мой дом прячется от всех под переливающимися невероятными красками облаками. Каждый вечер они сбегаются, чтобы скрыть его жителей от посторонних. А теперь и от меня...

Макушки деревьев за прудом бесшумно вспыхнули и сразу погасли.

– Значит, ты что-то помнишь о доме? О семье, родителях, братьях или сестрах?

– Помню место, возникшее из ниоткуда, и людей свободных от здешних пороков, ведь когда-то им было дарована вечность, а потому, представь мое удивление, когда я оказалась снаружи? Я помню всех. Или думаю, что помню.

– Уна...

Так называл меня только Он, и я оставила себе это имя.

– Я не хочу, чтобы это прозвучало грубо, но то, что ты описала – так люди, и я в том числе, помним мир своего детства: большим, пусть он был и мал, сказочным, полным волшебства. А управляли им мудрые взрослые. Так может и не важно, кем ты была первую, не слишком осознанную треть своей жизни?

– Однажды один не глупый человек сказал мне: не нужно искать себя – придумай! – и я закрыла глаза.

Он купил одну из моих работ. И затем еще три.

– А это – художник, чью картину вы только что приобрели, – куратор выставки оглянулась на подаваемые ей ассистентом знаки, – простите, мне срочно нужно отойти.

Улыбаясь немного хищно, мужчина протянул мне руку и почти уже произнес «Нас не представили...», когда я его опередила:

– Пожалуйста, не нужно... – снимая перчатку, я разглядывала его загорелую кожу, – мы можем быть просто автором и тем, кому понравились его работы.

– Поклонником, – яркими, четко очерченными губами, он прикоснулся к моей руке. Ночью лунный свет, льющийся из огромных окон его спальни, отражался блеском в Его глазах.

– Думаю, я начинаю улавливать моменты, когда ты выпадаешь из этой реальности.

Я снова посмотрела вверх, но брешь затянулась, и на горящую кожу моего лица упало несколько капель холодной воды.

– Прости, прости еще раз. Сейчас... помнишь... знаешь таких старых кукол, они еще стонали «мама», когда их переворачивали?

– У моей племянницы есть такая.

– Автоматически открывающиеся глаза и стеклянный взгляд, устремленный в одну точку – они безумно пугали меня в приюте. Депрессивные, за что-то проклятые, обреченные не спать. А теперь я сама будто стала одной из них.

Гладь пруда зазвенела под слабым дождем, но то была увертюра к чему-то большему, еще зарождавшемуся.

– Вчера племянница попросила нарисовать ей принцессу. Черная водолазка, классические брюки – совершенно не претенциозная вышла принцесса, несовременная и пытающаяся не выделяться из толпы, но с короной, малышка настаивала. Думаю, лучше всего получились глаза, вот их она дорисовывала сама по моему описанию. Вышло похоже.

– Почти на всех лицах, когда выводишь их на бумаге, можно найти следы пороков их владельцев. Хотя, возможно, мне только так кажется. О чем ты говоришь с другими девушками?

– Ты думаешь, есть заготовки?

– Нет, я лишь пытаюсь от чего-то оттолкнуться.

– Мне нравится именно наш разговор.

– Просто... помоги мне почувствовать себя нормальной.

Моя одежда промокла насквозь, и от ее тяжести, под давлением потоков воды я медленно тонула в песке, попутно лишаясь веса и здравого смысла.

– Если бы наш разговор был легче, я бы хотел... – но, вместо того, чтобы закончить мысль, Элай глубоко вздохнул, будто перед прыжком в воду, и задумчиво произнес, – по какой-то причине у нас все пошло не так. Обычно есть время для флирта, для оценки человека, для игры. Подобные игры шаблонны, но от того не менее приятны. У нас же с тобой нет равновесия – ты знаешь о моей симпатии, я же – только о том, что все по той же неизвестной мне причине ты все еще не положила трубку.

Он остановился, я отсчитывала циклы дыхания и слушала, как мелодия дождя перерождается в сплошной белый шум.

– Думаю, мне знакома одна из таких игр, – казалось, вода наполняет меня через глаза, и я сомкнула веки, – но, думаю, ее принцип несколько отличался от описанного тобою. Я всегда выигрывала... Возможно, он просто поддавался.

– Ты ни во что не веришь?

В сумерках его комнаты мы стояли напротив высокого антикварного зеркала, в котором отражались в полный рост.

– Нет, – руки моего безымянного любовника скользили по моей обнаженной коже.

– Почему?

Правила игры были просты: будто сказки на ночь, требовалось всего лишь слушать его рассказы и суждения, мне не нужно было даже соглашаться или спорить. В эти часы мой взгляд был полон восхищения и, возможно, он принимал это за любовь, ведь главная роль отводилась зеркалу – в нем я могла увидеть рядом с собой того, кто никогда меня так не касался.

– Если боги существуют и наши молитвы достигают их ушей, то это означает полное отсутствие свободы воли, как у нас, так и у них. Если же кто-то, от скуки ли или разочарования, создал нас и пропал, то зачем тратить время на пустую веру? Религия – ограничение, это поняли еще в древности.

Но все-таки я его слушала и часто размышляла над сказанным им. В моей прошлой жизни существовало множество богов, но я не знаю, насколько в них верили те, кому эти боги принадлежали.

– Так может, мы лишь паразиты на божественном теле?

– А разве виши поклоняются человеку?

– Значит, никаких правил, никаких ограничений?

– В юности я соблазнял девушек, рассказывая им серьезные, как мне казалось, теории, – он продолжал говорить, не прекращая исследования моего тела, – например, о том, что ограничения нужны, но их суть должна претерпеть изменения в более гуманную сторону. Допустим, за преступления человеку можно предоставить выбор: сесть в тюрьму или быть сосланным на территорию, где не действуют никакие законы, где нет помощи извне, нет связи с внешним миром, технологий, правил. Есть просто место, с такими же свободными людьми, как и ты. И, быть может, кто-то и сам захотел бы туда уйти.

– А если бы они в итоге начали представлять угрозу для тех, кто остался в цивилизации?

– Для этого потребовалась бы самоорганизация, построение системы – чем бы тогда они отличались от тех, кто их же сослал? А горстка сброды не представляет угрозы. Мысль проста: если один человек убивает и другой делает то же в ответ – это не должно вызывать удивления у первого. Но подобное наказание должно быть соизмеримо преступлению. И даже у совершивших тяжкое преступление должен остаться выбор: тюрьма или опасность свободы.

– И они верили, что ты это придумал сам? – за этот лукавый блеск в его глазах я была готова отдать все прочие дни моей бессмысленной жизни, – не думаю, что ты в это верил. А сейчас? Чем ты прельщаешь женщин сейчас?

– Обычно достаточным аргументом является признак наличия денег. К тому же, я неплох собой. Но все еще остается загадкой, что именно из этого привлекло тебя? – он остановился и, как часто делал раньше, слишком пристально, слишком серьезно посмотрел в глаза моему отражению. Я не успела научиться не терять самообладания в такие моменты.

– Твоя свобода и органичность пребывания в этом мире, – я была честна перед ним, пусть этот набор никогда бы не стал решающим в моем выборе объекта любовного интереса, – я завидую таким людям, как ты. Быть может, потому что до сих пор в нем себя не нашла.

– Не нужно себя искать, просто придумай!

И вновь я была близка к победе. Когда один из игроков начинал увлекаться разговором больше, чем соперником, побежденный оказывался поверженным на спину, задавленный ласками победителя. Но я не удержалась еще от одного вопроса:

– А ты? Ты сам живешь по этому принципу?

– Мне не нужно. Я принял правила этого мира, и они мне подходят. Они дают силу управлять теми, кто их не понимает. И дело не в примитивном стремлении к богатству или власти, а именно в том, что без противоречий я могу быть снаружи тем, кем являюсь внутри. Почему ты улыбаешься?

Вывернувшись из рук мужчины, отвлеченного на терявший всякий смысл разговор, я повалила его на кровать и укусила за плечо.

– Все, я понял, ты победила. Снова...

Тот вечер был необычен, я запомнила его по сладкому аромату меда и цветов, что преследовал меня всюду и догнал даже здесь. Свернувшись у груди безымянного любовника, уставшая, я всегда засыпала очень быстро, но он решил продолжить оставленный было диалог.

– Наверное, я глупец, ведь я так люблю в тебе то, что ты живешь в своем собственном мире, не отвлекаясь на происходящее вокруг, и вместе с тем, именно твою отрешенность я хочу исправить. Изменить, хотя бы по отношению ко мне.

– Покинуть иллюзорный мир?

– Существуют и те, кому нравится этот. В нем ты сможешь действовать без страха, я помогу. Здесь все думаю только о себе, но есть место и чудесам.

Я поднялась, чтобы увидеть его лицо.

– Ты говоришь о нас, но ты меня совсем не знаешь. Мое прошлое...

– Безопасность, еда, воздух – элементарные потребности, но я знаю еще одну. Казалось бы, она мало очевидна – всего-то, необходимость называть близкого человека по имени...

– Тогда помоги отыскать! С твоими возможностями...

– Прости, я искал, но все документы потеряны. Ты возникла из ниоткуда.

– Этот человек, он все еще присутствует в твоей жизни? – голос Элая звучал тихо, усиливающийся дождь заглушал его. Казалось, разомкнув веки, я обнаружу себя внутри лампового телевизора, который забыли выключить по окончании программы передач. Вода затекала через нос, проникала сквозь сомкнутые губы, и чтобы ответить, мне потребовалось приложить усилие:

– Он умер.

В тот день, когда я в очередной раз покидала его дом, уже в дверях, по одежде, по его взгляду на часы и блику солнечного света на лице, я вспомнила – именно эта картина была последним кадром в нашем знакомстве. Мы не попрощались. Вечером того же дня мне позво-

нила куратор выставки, на которой мы познакомились. Его водитель заснул. Всего на несколько секунд, но этого было достаточно.

Следующая ночь прошла без снов, а, перестав их видеть, я больше не могла оставлять писем на столе моего настоящего дома – меня изгнали повторно.

– Уна, у вас ливень, я слышу. Иди домой.

– Он очень теплый. Элай... – вместо того, чтобы смыть с меня запах бессонных ночей, дождь усилил его до зловония выброшенного на берег утопленника.

Еще недавно ровная гладь пруда исказилась под натиском вонзающихся в нее водных стрел, дрожа, будто от боли.

– Уна, послушай...

– Все нормально, Элай, просто сейчас я – не лучший собеседник. Может быть, выпьем кофе, как только я поправлюсь? – соврав и не дождавшись ответа, я положила трубку.

В темноте вода обретала свободу

Прозрачная и уязвимая днем, к ночи она уставала притворяться. Вязкость, запах, плотность – с уходом солнечного света она обретала возможность меняться.

С трудом сняв прилипшую к телу одежду, я намочила пальцы – песок обманывал, вода была ледяной. Едва сделав два шага вперед, я перестала видеть свои ступни, а, погрузившись до бедер, потеряла чувствительность ног. Как и тогда, увидев море впервые.

Не умея плавать, я пришла ночью на пляж. В историях, что ты мне рассказывал в детстве, море всегда было стихией своенравной и гордой, но никогда оно не несло в себе угрозы. На мое счастье, соленая ледяная волна, накрывшая меня с головой, отбросила мое даже не пытавшееся бороться тело обратно на берег. Спустя три года я вернулась и поняла, что ты имел в виду: там, где небо, утопая в едва измеримой дали, переставало быть бескрайним, в полмили от земли, раскинув руки, не дыша, я наконец-то почувствовала твою близость, а свобода, охватившая меня так же отчетливо, как и течение, что сулило унести в открытое море, обещала путь простой и короткий. Лишь внезапно зажженный маяк, что заглушил мелодию, манившую из непроглядной тьмы, вернул меня обратно в реальность. Не прояви я в тот миг малодушие, не поверь в знаки, что призывали вернуться на берег, но открыв глаза шире, отпустив дыхание, возможно тогда – тогда бы я смогла провалиться сквозь непрерывно меняющийся барьер и оказаться дома. Как же наивна я была! А ведь подсказки – вот же, они кричали прямо подо мной! Танцовщицы клялись, что попали в Убежище, когда, достигнув предела отчаяния, увидели льющийся из почти высохшего колодца свет, а, прыгнув в него, в следующий миг очутились на воле. В месте, что стало им впоследствии домом.

Вода обожгла мои плечи. Я закрыла глаза и нырнула вглубь пруда.

Переполненный желудок, нервы, бьющие тревогу, сведенные судорогой мышцы – я не знала, сколько могло пройти времени с момента погружения, с момента, когда, открыв глаза, я не увидела ровным счетом ничего, но почувствовала... или мне показалось?

Одежда, берег – все справа, пятьдесят мучительных гребков и я выползла на мокрый песок. Откашлявшись, я попыталась извлечь из себя мерзкую жижу, но ничего не получилось, она застыла в животе куском грязного льда. Мозг не спешил возвращать парализованные холодом функции; вряд ли в том, что я выбралась, была его заслуга.

Дождь почти прошел, редкие теплые капли согревали кожу. Не дожидаясь, пока дыхание придет в норму, я попыталась непослушными руками вернуть мокрую одежду на липкое тело. Глупая затея. Отбросив носки и майку, посчитав успехом втиснуть ноги в джинсы, я надела ботинки на голые ступни, застегнула куртку под горло и, не оглядываясь, побежала домой.

– Какая же я дура! Никто бы мне не помог!

Меня спас животный инстинкт.

Там, в пруду время застыло, оно почти засосало меня вглубь, на самое дно, где не нашлось и капли света – прошли секунды или минуты, когда выдавленные из скованной холодом головы мысли обрели форму: итогом моего безумного порыва, фантазий, сказок, желаний и стольких лет поиска стало... ничто!

– Глупая дура... вас... их не существует, не существовало... – несколько веток подряд скользнули по моим щекам.

Спотыкаясь, пренебрегая асфальтом, я шла короткой дорогой сквозь парк. Дождь утих, как и боль в голове.

– Они правы, нужно выбросить все изображения, покончить с памятью, начать придумывать себя заново... – яркий свет привлек мое внимание, в двух шагах от дома горела вывеска круглосуточного магазина.

Я не стала придавать внимания реакции продавца:

– Виски, – судорожно ища в карманах деньги, попросила я.

– Подешевле? – его взгляд упал на ручей, что тянулся от самой двери и до лужицы у моих ботинок.

– Ирландский. Пожалуйста.

Протянув смятые, но сухие купюры, я посмотрела на часы – секундная стрелка не двигалась. Не помню, чтобы я их снимала, заходя в пруд. Когда бабушка дала мне их в дорогу, они не ходили. Отремонтировали их только через три тысячи дней после побега, с моего первого гонорара. В момент, когда мне вручили громко тикающие часы, я посмотрела на утекающее в моих руках время и впервые осознала разницу: в убежище время не ускользало от жителей, каждое утро оно возвращалось к ним обратно. И потому, вместо веков и лет они считали дни – дни пребывания в карьере, что констатировали опыт, новое начало. Тогда как здесь, снаружи, годы служили людям отметками, напоминавшими им о краткосрочности их путешествия. Возможно, и мне теперь нужно начать свой собственный отчет оставшихся мне лет и перестать считать дни до возвращения домой.

Эти часы, зачем они были нужны бабушке? Из какой жизни она их принесла?

– Что случилось, милая?

– Уже ничего.

Открыв дверь с пятой попытки, я наконец-то была дома. В коридоре, одновременно избавляясь от приросшей к коже одежды и пытаясь открутить пробку на бутылке, я порезала палец. Как будто бы глубоко, но в тусклом свете, исходявшем от окна, крови не обнаружилось, видимо, она просто застыла в венах или мое сердце окаменело. Сделав большой глоток янтарного напитка, я почти потеряла равновесие – новая жизнь, новые привычки. Сползая на пол, я задела выключатель и комнату озарили цветные огни восточных ламп – как и картины, их нужно будет выбросить, избавиться ото всех воспоминаний, сувениров и глупых манер. На полу валялись эскизы, я сделала второй глоток и поднялась закрыть окно.

– Давно нужно было тебя выкинуть, – канделябр, обнаруженный в шкафу рядом с завернутыми холстами, был подарен преподавателем на один из выдуманных дней моего рождения, точную дату которого я так и не смогла вычислить, – «он тебе подходит»... Какая безвкусица для человека, который..., для... как же его звали?..

Бестолковая вещь отлетела к входной двери.

– Сжечь вас к воронам! – с трудом выволочив из глубин шкафа сверток с картинами, я затаскала их на кровать.

– И уехать. Начать придумывать себя заново. Слышишь?!

Я ли это или алкоголь? Не важно! Впервые за столько дней я почувствовала порыв к действию. Третий глоток и все картины были расставлены по периметру комнаты. Схватив было последнюю, я ударилась ногой об угол кровати и упала на колени, но боль не пришла. С полотна у окна на меня нагло смотрели глаза танцовщиц.

– Всегда веселы и насмешливы, помните ли вы как учили меня танцевать? В театре, да, на каменных ступенях, с вечными, негаснущими папиросами. И пока позировали скульптору... А он... он переводил в камень, ловил мгновения грации ваших тел, пока я рядилась в пестрые одежды, звенящие украшения, коих всегда было на каждой из вас с избытком, – нарисованная одежда под моими пальцами была шероховатой, а смуглые лица – теплыми и гладкими.

– Самые удивительные глаза, что мне встречались, – их разрез убегал вверх, в то время как линия рта стремилась вниз, создавая невозможно притягательную, вызывающую красоту, –

ароматные волосы и яркие белые зубы. И самая красивая грудь. Я нашла ваше племя по песням, по тем легендам, что вы рассказывали мне, нашла в историях этого мира упоминания об участниках тех событий, что вынудили вас искать спасения в колодце... Но, хватит!

Я оглянулась в поисках виски:

– За вас и за тебя, мой прекрасный воин, мне предлагали... мне хватило бы тех денег на полгода жизни в стране, где тебя еще помнят. И где не знают, что у тебя есть прижизненный портрет, – салютовав мужчине в камзоле, пристально вглядывающемуся в свое отражение на лезвии меча, я сделала очередной глоток. Что-то прогнулось внутри, дышать стало легче, мужчина с портрета – сейчас бы он считался еще юношей – бросил на меня короткий взгляд. Государь сказочной, как мне казалось ребенком, страны. Теперь я знала, что она существует, но не знала, действительно ли ты был ее царем.

Нам нужно попрощаться.

– И с вами, – два бледных лица, что так сложно дались мне. Я помню легенду: вы сбегали, чтобы быть вместе. Но почему же вы всегда молчали друг с другом? Достаточно просто смотреть, достаточно, чтобы кто-то так смотрел на тебя. Вечность. Но почему вы молчали? Это и есть любовь?

Поднявшись, я попыталась одними пальцами ноги грациозно уронить их портреты лицами на пол, но вышло неуклюже и, опрокинув холсты, я сама едва удержалась от падения, ухватившись за мольберт у окна.

– Элай? Когда я начала тебя...? – моя рука проехала по полотну и теперь на написанном маслом, еще не высохшем портрете, от взъерошенных волос и до шеи юноши тянулись три неровные полосы. Аромат воздуха после дождя смешался с запахом краски, и казалось, это был тот же запах, что я вдыхала в кофейне, когда он сел ближе, – теплый и еще слишком свежий Элай.

И я облизала краску с пальцев.

– Разве не странно, что все цвета одинаково пахнут и неотличимы на вкус?

Выдавлив слишком много алого на палитру, я начала старательно выводить имя в углу портрета. Похожие надписи были на каждой из расставленных картин – имя изображенного на языке, на котором тот говорил. Проведя испачканными пальцами по губам Элая, я окончательно испортила работу. Ощущение от прикосновения к не высохшей краске, пока она была еще словно живая, всегда приносило мне почти чувственное удовольствие. На картину, оставшуюся на постели, ушло более пяти месяцев, не малую часть из которых я искала, смешивала цвета под оттенок его кожи, под тени и отблески на его скулах; пять месяцев, потраченных на то, чтобы его черные глаза засияли так же, как в детстве, когда он смотрел на меня.

– Ты – напоследок, – еле сдерживаясь, чтобы не обернуться, я сделала еще глоток, – кожа цвета застывшей смолы. И на вкус она должно быть как янтарь. Именно такого вкуса, каким ты представляешь себе должен быть янтарь.

Элай смотрел на меня вопросительно, слишком искренне.

– А какой вкус у твоей кожи? – я вытерла руки об обнаженные бедра.

Вершин мастерства мой первый любовник достиг лишь на одном холсте – им стало мое тело, что же касается живописи – он был посредственен.

Комод с красками и прочим живописным скарбом возник на моем пути так же внезапно, как и мольберт, хотя оба получили свою обитель в этом скромном доме со времен моего заселения. К комоду стояли прислоненными еще две картины. На одной из них – три старика.

– К дьяволам! Сейчас я пьяна не менее вас!

Здесь, в этом мире, меня долгое время удивляло, зачем люди стареют? Как долго можно было так прожить? Но я смотрела на них с любопытством – где же предел? Все детство я думала, что быть старым – это добровольный акт; в моем мире было лишь несколько примеров. Бабушка, но она не дряхлая. Ее морщины и неуемная энергия – она отличалась от всех

пожилых людей, что встречались мне здесь. Но в убежище жили и другие, значительно, значительно старше ее. Не старше, а именно – старше. Как эти трое, чьи следы я искала у священной реки. Они были старыми, но это был их выбор. Мама, как и все взрослые, которые, не понимая какое-либо явление, боялись его, заклинала никогда не подходить к старикам, испачканным сажей. Я была послушной, обходила их стороной, но временами они могли заговорить со мной сами. Так ребенок, не сталкивавшийся ранее с определением слов «страх» или «опасность», узнал новое слово, но не его значение: «Наш Милостивый бог презирает смерть». И я убегала, а сейчас, узнав о вас больше, но так и не найдя ответа, что же вы делали там, в убежище, поняла, что меня смущало:

– Так он бог, что ему до того?!

Кажется, я устала. Или пьяна. Сжечь всех или продать и уехать.

– Ох, на потолке я никогда не рисовала...

Когда я переехала в эту студию, свою собственную, что, казалось бы, должно было стать предметом гордости и счастья, ведь мало кто из ровесников имел собственное жилье, то сразу, вместо приобретения мебели или чего-либо еще нужного для комфорта, я принялась расписывать все имеющиеся поверхности.

– Я просыпалась, глядя в твои треугольные глаза, в мечтах снова оказаться на маяке, за твоей спиной, чтобы смотреть на жизнь сверху вниз, находясь на уровне земли, в огромной яме. Почти сразу я начала искать все карьеры, природные и искусственные провалы, ущелья в радиусе хотя бы не дальше тысячи миль. Все маяки и башни... Могла ли я сбежать из другой страны или континента?

Надо мной нависал, словно отколотый кусок неба, голубой потолок. Пол цвета песка – единственное, что осталось неизменным после того, как я на третий день после заселения выкорчевала искусственный настил, еще не зная, где купить светлый туф. Стена с портретом сейчас была окрашена в осень, стена напротив – в черный, и за ним был похоронен Храм. Огромный, величественный и совершенно здесь невозможный.

– За день до побега вы вывели меня из дома на долгую прогулку. Я не понимала, почему вы проговариваете все то, что я вижу вокруг, зачем? И ночной Храм. Свет, исходящий из самого его нутра, заставлял вибрировать каждую расщелину – окна, двери, трещины – все здание, необъятное, словно выброшенное на берег морское чудовище, парило над высушенной землей. Не нужно было быть верующим, чтобы поверить – его не мог создать человек. А кто? Я все еще не знаю. Но уверена, другой гений, оставшийся в карьере, совершенно определенно когда-то жил вне его стен.

О следе, что он успел оставить в этом мире, мне рассказали на семинарах по истории искусств. Это лицо я бы узнала из тысячи, в любых его воплощениях. Там, дома, на территории, где в этом мире мог быть парк с деревьями, клумбами и скамейками, под открытым небом раскинулся музей скульптур.

– Однажды, – я посмотрела на портрет скульптора, – ты поймал меня за тем, что я пронумеровывала каменных красавиц. Но вместо того, чтобы ругать меня за шалость, ты подвел меня к первой из высеченных здесь статуй и сам, своей рукой выскреб номер на ее платье. Так за неделю мы пересчитали каждую из них, это был мой первый урок по теории искусства, и, знаешь... хотя, нет, ты вряд ли знаешь это. За двести тысяч дней ты в гордом одиночестве прошел тот путь, что проходили в этом мире миллионы творцов с оглядкой друг на друга. И обогнал их.

В темной аудитории менялись слайды, звучал скучный голос лектора, как вдруг – для других этот момент мог ничего не значить, но не для меня – на экране появилось знакомое, даже, нет, не так, близкое, родное, высеченное в мраморе лицо. В этот миг я впервые за много лет почувствовала облегчение: вы существуете! Вот оно, доказательство существования одного из тех, с кем я провела первые девять лет своей жизни, оно было прямо передо мной! Он

есть, жил, он оставил свой отпечаток в мировом искусстве, он... И затем, почти сразу меня накрыло другое, страшное подозрение – впервые я по-настоящему усомнилась в реальности моих воспоминаний. Именно после той лекции я начала поиски следов о каждом из вас в этом мире.

– До пятнадцати лет я думала, что вся моя жизнь здесь – ваш план. Что это испытание, проверка, ведь все вы попали в Убежище – из высеченных на черном камне названий моего дома я выбрала для себя это – появились в нем из внешнего мира. И никто, насколько мне было известно, никогда не покидал его. А меня вы изгнали. Осознание этого пришло ко мне внезапно и с тех пор я отравлена вопросом – за что? Что столь ужасного сделал ребенок, чтобы выгнать его, лишить семьи?

Я сидела у портрета одной из семей, коих там было, включая нас с мамой и бабушкой, не больше тридцати. Остальные жили группами, как правитель и его свита, парами, как любовники, или принадлежали только себе. Все эти связи я пыталась осознать спустя годы, изучая детские воспоминания, перенесенные красками на холсты. По ним я пыталась увидеть в вас не мифы, а людей.

Портреты один за другим почти бесшумно падали лицами в пол.

– А как меня ругали за разговоры с тобой, мой истерзанный безымянный друг, – никто не знал его истории, и я дала свое детское слово молчать обо всем, что слышала от тебя на крышах.

Сделав несколько глубоких глотков, я отняла ладонь от замысловатого рисунка глубоких шрамов на теле мужчины с очередной картины. Часть из них – моя фантазия. Не глубина или количество, нет, но я попыталась упорядочить хаос из линий, что рассекали его кожу, привести их в символическое изображение той боли, что испытал их носитель.

– Десять лет я работала и жила только для того, чтобы найти вас, – не рассчитав силы, я пнула ближайший холст так, что, отлетев, он перевернул еще три. Нет, пусть валяются, я и так во всех подробностях помню, кто смотрел на меня с них. Кажется, меня мутит, нужно подняться, а вы – спите.

– Хотите послушать сказку?

Но ответа не последовало.

– Жила-была на свете девочка и жила она в маленьком мире, где правили взрослые. В том мире знали о смене времен года, но почему-то не удивлялись тому, что сменяются они глубоко снаружи, далеко-далеко за пределами каменной чаши. Звучит не слишком весело, но девочка была счастлива, ее все любили, и у нее даже была подруга. Такая же маленькая девочка, как и наша героиня. Подруга жила в башне и почти не выходила на улицу, в башне из теплого камня.

Снова лежа, я гладила мягкий бархатный пол того же цвета, что и песок, по которому мы ходили дома.

– Затворничество не было преградой, у нас была фантазия, а любимая игра – придумывать, кем мы станем, когда вырастем. И с кем мы будем. Ты мечтала о скульпторе, а я... Мы играли в башне, но я не могу вспомнить, почему ни разу на крышах – на крышах, что соединил мостами твой отец. Возможно, оберегая тебя, он делил нежность и заботу о тебе со мной, и учил меня своему певучему языку, волшебному... Как и его тепло, запах...

Так пахнут старинные легенды о джиннах и принцессах.

– Ты часто болела, такая тихая, что там, в доме самых разных детей, я не смогла найти тебе замену. Среди грустных и злых маленьких людей. Они не хотели слушать мои сказки, помнишь? Те, что мы читали на разных языках. В книгах, что давала Та, что жила в архивах.

Ее портрет стоял у стены напротив постели. Самая долгая работа в моей жизни.

– Человек... Существо, она... оно... не представляла собой форму, скорее отражение – туманное отражение в стекле в вечернем сумраке. Слишком длинная шея, слишком бледная,

неестественно черные волосы – неестественное все в ней... Курила и... в архивах, среди свитков и гигантских книг, по моей ли воле я находила истории каждого из них, причины и следствия – почему я забыла?

Куда делся виски? Шаря руками, я столкнулась с бутылкой и, больше пролив, чем выпив, задышавшись, прикрыла ладонью глаза, слишком быстро стали мелькать отблески ламп на потолке. По памяти найдя ногой выключатель, я остановила их безумный танец.

– Ее кожа переливалась как молочные опалы. И голос, звучащий изнутри тебя, а не снаружи. Я все еще слышу эти голоса, но не помню. Почему в твоих архивах не было ни одной настоящей книги? Не о жизни, а выдуманной, нормальной книги? Нормальные люди касаются земли... Только его свитков не было на полках, его история была на маяке.

Она же рассказывала, что, если знать, куда ехать, найти убежище может любой. Почему я не помню?! Почему в архиве не было ни единой карты? Откуда появились мама и бабушка?

– Странно, в детстве ее неестественно длинная шея казалась вполне нормальной, – идеальный профиль ударился о пол. И следом – дама с балкона. Однажды, тогда... я уже осознавала время, но думала, что та грустная дама – это кукла. На моих глазах она ни разу не уходила сама, просто пропадала, когда зажигались фонари. Но однажды ее холеная рука дернулась – в легком, едва заметном призывном жесте, и, послушавшись заветов мамы, я забежала по лестнице и заглянула в приоткрытую дверь.

– В нашем доме вся обстановка была проста, пол, занавески, мебель... Заглянув за ту дверь, я узнала другой мир – прекрасный, тонкий, волшебный. Ты показывала мне огненные камни и говорила, что так выглядит солнце, а в синих – искрилось море, таинственное и такое прекрасное! И черные, что напоминали тебе звезды и грозы... И в темных комнатах... со свечами...

Мысль бежала быстрее уставшего языка.

Я не знала до побега, что мир так огромен, а после – зачем и кому было нужно, чтобы я увидела этот огромный мир. Я могла быть счастливой только там, в окружении разряженных безумцев, не понимающих языков друг друга, защищенных камнем и лесом без дорог. И рядом с человеком с самыми волшебными глазами.

– Я извлекала вас из памяти, чтобы не забыть, слышите?

Собравшись с последними силами, я закричала.

– Хватит молчать!

В стену застучали.

Плевать! Дать волю голосу было так приятно!

Бутылка сияла пустотой. В конечном счете, погром не принес мне ничего кроме злости и разочарования.

– Хотела бы я иметь силы сжечь тебя, – вползая на кровать, я запуталась в простынях и чуть было не повредила холст ладонью, но в последний момент извернулась и не больно ударилась плечом о подрамник, распластавшись подле картины.

– Наверное, так чувствуют себя наркоманы без дозы – смогу ли я перестать тебя рисовать, имея под рукой все инструменты? Шесть тысяч дней – значительный стаж. Скульптору было мало почти двухсот.

И я закрыла глаза. Сколько я выпила? Последнее мое падение – уснуть, обнимая его портрет... Кажется, я задремала. Чернота в окне, а следом и разбросанные по полу холсты, стены пол – все вокруг завибрировало. В сопровождении неясного гула мелкой дрожью затанцевала окружающая меня геометрия, а затем, будто лопнув, пропали границы предметов.

«Я найду тебя, слышишь? Я найду тебя, слышишь? Я найду тебя».

И я открыла глаза.

Прозрачная змейка осторожно приближалась к моим рукам. На ее коже переливались отражения спящих домов, золотые пятна фонарей тонули в пурпурно-графитовом море слишком низко висящих облаков – я лежала на песке недалеко от столь хорошо знакомой мне дороги. Приподнявшись, я заглянула в темную гладь огибающего меня потока воды: все еще взрослая, но одетая в платье, что было на мне в день побега.

Никогда раньше во сне я не оказывалась вне стен нашей кухни. Второй этаж, мамин будуар, и даже моя собственная спальня – я не имела права попасть ни в одну из этих комнат, не то, что наружу. А теперь я стояла рядом с небольшим двухэтажным домом, одним из самых скромных в карьере; построенный из того же теплого камня, что и любое здание вокруг, такой же безлюдный, каким я его изображала на моих картинах, с единственным горящим окном на первом этаже.

Если я продолжу медлить, все снова может пропасть. Уже во дворе вода догнала меня и вновь обогнула, продолжив свой путь дальше, к центру карьера. Мы обе были здесь лишними. За девять проведенных в убежище лет я не помнила ни единой капли дождя, упавшей на бесплодную землю, ни единого источника воды, кроме того, что был в Храме. За тысячи дней после я ни разу не была так свободна в передвижении. С противоположной стороны дома у стены должна быть лестница, ведущая на крышу, там я смогу увидеть улицу сверху, а может и пробежать дальше, перебраться, как раньше, по мостам на другие дома и так – до самого Храма и обратно!

Да, лесенка была на месте, вот только двадцать лет назад она казалась шире, внушительнее. И, сделав всего шаг по направлению к крышам, в крошечной тьме, я столкнулась с невидимой преградой.

– Черт, простите! Откуда...?

Как и любой ребенок снаружи, я носилась повсюду, не обращая внимания на условности и границы, а перила, установленные на всех лестницах и мостах, должны были ограждать меня от падения. Но теперь они кого-то заслоняли, кого-то, спрятавшегося за их тенью, неразличимого в свете газовых фонарей, обрамлявших дорогу за моим домом. Через несколько секунд мои глаза привыкли к скудному освещению, и я узнала в стражнике безымянного старика с моих картин. В оборванных одеждах, еще более дряхлый, чем был почти двадцать лет

назад, тот, кого сторонились, а, может быть, даже боялись местные жители, махал перед моим лицом своей пугающе-сухой рукой:

– Как вы сюда попали? – сделав шаг назад, я огляделась. На дороге стоял другой столь же отталкивающего вида старик, а в тени соседнего дома мелькнул огонек сигареты или одной из тех грубо сработанных самокруток, что они не выпускали изо рта.

– В дом, иди в дом, – почти забытый язык вывел меня из оцепенения.

Я знала, что они – лишь видение, их решительность совершенно меня не пугала, но появление в ее сне иных людей было слишком необычным, и я послушно направилась в дом. Четыре ступени в темноте, затем еще три шага прямо и я ступила в коридор, что соединял две комнаты, мамину и бабушкину, но пространство вокруг них было наполнено столь густым туманом, что не оставалось никакого иного выбора, как шагнуть в единственную освещенную дверь, ту, что вела на кухню.

– Чаю, милая?

Шесть с половиной тысяч дней остались позади, а на столе дымился все тот же чайник. Вопрос прозвучал так буднично и непринужденно, будто я вновь стала девочкой, что спешила поскорее уснуть и рассказать бабушке за чашкой горячего чая, какой счастливой она была, как много новых друзей у нее появилось – детей того же возраста, что и она, с которыми можно было играть и бегать по зеленой траве. Тот ребенок не мучился днями и ночами в попытках вспомнить, как выглядели его мама и бабушка, не тратил времени на поиски зацепок в отражении зеркала, не ведал, как скоро его бросят.

– Есть что-нибудь покрепче?

Как же нелепо прозвучала эта фраза! Не зная, как скрыть растерянность и злость, я спрятала руки в карманы детского платья и нашла в одном из них почти полную пачку сигарет. Как взрослая, теперь я могла позволить себе успокоить эмоции дымом. И я закурила.

Бабушка усмехнулась и подтолкнула ко мне блюдо в качестве пепельницы. Но, даже понимая, насколько глупым было мое поведение, я продолжала курить, пока она с любопытством разглядывала меня в ответ. Сейчас я узнавала каждую линию ее лица, каждую морщинку: сухая кожа, пепел в волосах, все те же пронизательные, глубоко посаженные глаза цвета... нет, не верно, они имели не один оттенок: зеленые, с вкраплениями алой краски, сверкающие уже не так ярко, будто потускневшие гелиотропы – все те черты, что я не могла вспомнить годами, пока не забывала других, чужих мне людей, пока этот, пятый от дальнего склона дом всегда оставался на моих картинах пустым.

– Нам бы пришлось посетить кабак, а рыжебородый в это время уже не спит, – пока она произносила эти слова, уголки ее губ несколько раз судорожно дернулись.

– А где мама?

Я начала вспоминать. Этот вопрос я задавала часто, и дома, и здесь во снах. «Скоро, она скоро вернется, давай спать». Ей было... Когда ради сказки на ночь я ждала ее в кровати, ей было меньше дней, чем мне сейчас.

На лице бабушки появилось знакомое выражение. Губы чуть искривились – как и раньше, ее недовольство читалось в этом мимолетном неконтролируемом движении – а помутневшие глаза обратились к окну.

– Гуляет, у нас вечер, – бабушка усмехнулась и обратила взгляд на меня. Пять тысяч дней назад я бы уже взахлеб рассказывала обо всем, что произошло в академии, а она бы, не перебивая, разливала ароматный чай. В моих воспоминаниях сны имели запахи, но, увы, глубоко вдохнув дым сейчас, я ничего не почувствовала.

– С кем? – я затянулась еще раз, и кончик сигареты, обнажившись, заиграл искрам.

Вечером перед уходом ее одежда благоухала духами, а по утрам сброшенное рядом с кроватью платье сладко пахло табаком, хотя сигарет в ее руках я никогда не видела.

– Ты их не вспомнишь, с друзьями, – бабушка сидела неподвижно, даже слишком неподвижно, позволяя себе только легкую дрожь в руках и едва уловимые, будто судорога, движения мышц лица.

– Я помню всех, – произнося это, я положила дымящуюся сигарету в левую ладонь и сжала кулак. Боли не было.

Так просто осознать себя плохим человеком, когда, видя смущение другого, ты не можешь и не желаешь позволить себе остановиться и больше его не мучить.

– Да что ты можешь помнить! Зимой...

Но я не дала ей договорить.

– Зимы не было. Времена года не сменялись, я помню, – я помнила так же и то, что она могла выбросить меня с кухни в любой момент, – зачем ты смотришь на улицу? Кого мы ждем?

Огромные окна были зашторены, я не сдержалась и отодвинула одну из портьер: там, где должны были стоять фонари, бесечно прогуливаться люди, сиять живые облака, вместо всего этого царил тьма, словно за минуту перед нашим домом воздвигли глухую стену. На деревянной раме привычно висели старинные наручные часы, в них никогда не было надобности, и, сколько я себя помнила, они никогда не ходили. Но сейчас, в образовавшейся тишине, их мерный ход звучал громче церковных колоколов.

– Прекрати возвращаться в прошлое, тебя здесь никто не ждет.

Не поворачивая головы, бабушка следила за мной только глазами.

– И ты вернулась, чтобы мне об этом напомнить? – мечтая броситься в ее объятия, я продолжала изливать яд обиды, не в силах справиться одновременно со злостью и со стыдом за свои слова.

– Милая, это место выдуманно, реальны лишь люди, что рядом. Расскажи мне о своих друзьях. Ты нашла семью? У тебя есть дети?

– Я думала... я надеялась, что вы меня ждете...

Рисунок морщин на ее лице изменился, подавшись вперед, бабушка оперлась руками о край стола, и пространство рядом, словно потянувшись за ней, на мгновение исказилось.

– Прекрати. Хотя бы ради меня, не возвращайся, пожалей старого человека. Я провела десятки ночей во снах той сумасшедшей, чтобы только обменять... чтобы у тебя появился шанс на нормальную жизнь, на выбор. А он... он найдет замену, рано или поздно.

Значит, я вернулась лишь за тем, чтобы мне повторили все то, что я уже прочла ранее в здесь же оставленном послании. Без аргументов, без объяснений, почему моим выбором не может стать возвращение.

– Ты передавала мои письма? – спросила я, когда увидела, что стена позади нее начала отдаляться.

На лицо бабушки вернулась улыбка:

– Да, мы так радовались твоим успехам! Нужно ли больше...

– Оба письма? – прервала я ее ложь.

Устало моргнув, бабушка едва заметно качнула головой, а мебель и посуда вокруг, будто им тоже не терпелось избавиться от меня, завибрировали. Мое время заканчивалось.

– Просто ответь на три вопроса, и я уйду.

Она кивнула и снова покосилась на окно.

– Почему я не могла вспомнить ваших лиц? Это твоя работа? – с предметов сползали краски, – Почему ты пропала? Что должно произойти?

Между нами была всего пара шагов, но, казалось, я смотрела на нее сквозь пыльное окно соседнего дома.

– Четыре.

– Что?

– Вопросы получилось четыре, – до меня едва долетал ее шепот.

– Если ты передавала мои письма, то почему никто не писал в ответ?

Внезапно нас ослепила яркая вспышка. Я открыла глаза первой, бабушкины веки дрожали.

– Не уходи так! Иначе... я сожгу этот дом! И мне ничто не мешает выбраться наружу! Слышишь?! – я попыталась схватить ускользающий мираж, но в следующий момент сбивающаяся с ног волна света заставила меня обеими руками заслонить лицо.

Секунда – и давящий поток схлынул. Я убрала руки и поняла, что лежу на постели, в своей квартире, на тех же мятых простынях, что покидала лишь в своей голове. Следующая волна оказалась мягче, будто свет прилетел издалека. Он больше не убегал, теперь мы изучали друг на друга.

Меж севера полуношник

– так выходило мое окно. Оно смотрело туда, где все это время был маяк. Когда я искала квартиру, самый верхний этаж и именно этот вид на дальний, не закрытый другими высотками лес стали решающими в моем выборе. Свет летел снизу вверх, нелегко же ему пришлось: продираться сквозь густые кроны деревьев, предрассветный туман и расстояние в...

– Только не гасни, прошу, – ошеломленная, я бросилась к шкафу.

Пренебрегая всеми законами физики, сияющий поток изливался на пол через подоконник, а затем стекал к противоположной от окна стене, освещая царивший вокруг беспорядок. С десятков вешалок, полка с одеждой – еще вчера остальное пространство в шкафу занимали теперь раскиданные по комнате полотна и коробки, в одной из которых хранились карты. Обычные бумажные карты, испещренными линиями и надписями, что я оставляла со школы, с момента, когда узнала, что такое карты и о том, что мир снаружи огромен. Чуть позже я совершила и другое открытие: здесь ты был свободен в выборе места для жизни, не оно выбирало тебя, а наоборот. В детстве я читала истории жителей карьера, в которых маяк находил их в разных концах света и они, откликнувшись на его призыв, обретали в карьере новый дом и покой. Был ли у них выбор? Тогда я была слишком мала для подобных вопросов.

Рассвет занимался. А на полу, в не глубокой луже света, боясь потратить дарованное время зря, я по картам сверялась с гаснущим лучом, делая пометки и оставляя багровые полосы испачканным в краске запястьем. Взявшись за карандаш, я было подумала, что порезалась, учиняя ночной погром, но запах, исходивший от пятна на ладони, выдал собою масло. На лицах Элая и Смотрителя зияли темные кровоподтеки, краска, что я содрала с губ Элая, испортила любимый портрет, застыв глубокой раной на левой щеке человека с треугольными глазами. Смотрителя того маяка, что гас от минуты к минуте, пока я пыталась понять, в каком направлении держать путь.

– Над нами должен быть... – Смотритель грустно улыбнулся, – сколько времени прошло! Когда-нибудь ты увидишь звезды... пообещай рассказать им, как счастлива ты теперь, и, где бы ты ни была, я тебя услышу.

Но я так и не узнала, какие звезды светили над Убежищем, когда ты пришел туда.

– Ни единой зацепки. Почему ты боялся, что я найду вас?

Небо раскалилось оранжевым, звезды потускнели, и от луча осталась лишь призрачная паутина, тонкая сеть бледных полос на моей коже. Я так и не оделась, но даже перед открытым окном не чувствовала холода.

– Мог ли тебя видеть кто-либо еще? Мои неспящие соседи? – нет, я же знала, что маяк горит только для тех, кому он предназначен, – собраться, найти вокзал и в путь.

Я оттолкнулась от окна и едва не споткнулась: лампа, бутылка, перевернутые картины на полу – в столь малом помещении царил совсем не творческий погром.

– Вокзал! – и я кинулась на поиски телефона.

Пропущенный вызов и пара сообщений. За полчаса я нашла станцию, с которой следовало пересесть на автобус, а дальше... До первого поезда оставалось три часа:

– Собраться и в путь, – но мое отражение вступило в спор с оригиналом.

Могла ли кровь во мне поменять цвет или остановить свой поток? Способен ли был кто-то за одну ночь переодеть меня из смуглой кожи в оболочку утопленника, а темные волосы превратить в болотную тину? Цвета будто заблудились на моем лице: под глазами провалами лежали густые тени, а вокруг зрачков, еще вчера имевших едва заметные границы с радужкой, появились зеленые отблески.

– Нет. не в подобном виде.

Поток теплой воды безвозвратно уносил грязь с моего тела, но не сумел справиться с беспорядком в моей голове. Третью моей жизни прошла в неуверенности, что прошлое мне не приснилось; теперь же, наконец-то получив ответы, я сомневалась в настоящем. Лишь одно я знала точно: здесь, в этом мире, смерть была однозначна, в ней отсутствовала неясность, и эта мысль меня успокоила.

– Я жива и я знаю, где они прячутся. На пути в этот мир я три дня блуждала в лесу. Чтобы попасть обратно, нужно просто найти лес и дорогу, что ведет к камню.

Ту, на которую я даже не ступала.

Вода еще стекала с моих волос, когда в небольшой чемодан беспорядочно полетели вещи: одежда, карты, провода, кисти – все самое необходимое.

– Но только лишь здесь, – и я остановилась, ведь в том мире отсутствовало само понятие «необходимости».

Четыреста дней назад в глубину самой верхней полки были отправлены два плотных свертка. Когда-то в отчаянии преданные забвению, а теперь извлеченные и бережно развернутые на постели, они замерли в ожидании приговора. Подобные глупости никто не берет с собой в дальний путь, но они составляли мое главное сокровище. Прошедшая со мною приют, кожаная истертая временем сумка, на дне которой после случая с той, первой девочкой, под подклад была спрятана фибула – подарок танцовщиц, и там же – нож – дар человека со шрамами. Заклинания, что оберегали его от злых чар – так в детстве я думала об изъянах моего друга, пока спустя много лет не осознала их реальную природу.

Мы познакомились, когда бегая по крышам, я пыталась догнать накрывающую их тень. Грустный человек сидел в одиночестве и, казалось, молился.

– Почему ты молишься не в Храме? – любопытствовала я тогда.

Но больше того меня удивило место нашей встречи, ведь днем все крыши убежища были только моими. Изредка по утрам я находила тут или там следы ночных посетителей, в спешке забытые вещи; то была еще одна из моих детских забав – придумывание историй о взрослых и их тайнах, которые они так плохо умели скрывать.

– Здесь нет моих Богов.

Позже я повторю свой вопрос, а в ответ новый друг поведаст мне о чудовищах, что обитают за кромкой оберегающих нас каменных стен. Но в тот день я узнала, что говорил он на языке мне совершенно не ведомом.

– Откуда ты пришел? Ты меня понимаешь?

Но человек лишь махнул головой и вернулся к своему занятию. Я же не отступала – он был неразгаданной тайной, новым сокровищем, найденным на крышах; я жила всего две тысячи дней, он же выглядел так, словно пешком прошел две тысячи лет. Рисуя на песке или мелом на камне, указывая руками на все вокруг, я называла предметы на языке бабушки и еще трех-пяти, на которых говорили другие жители, и терпеливо ждала. Прошло немало дней, прежде чем грустный человек указал мне на самый дальний от Храма дом, один из немногих, а их можно было пересчитать по пальцам, что не был охвачен сетью моих ступенек и мостов. Он показал на тень, а затем сложил руки у головы, изобразив сон. На следующий день, как только свет начал покидать убежище, я бросилась к его странному жилищу, у стены которого, той, что смотрела на скалы, была приставлена деревянная лестница.

Так появился на секрет, хранимый мною ото всех, даже от Смотрителя. Позже мне открылось, что только советы человека со шрамами и то, чему он меня научил, не единожды помогали выжить ребенку, выброшенному в незнакомый мир.

– Так где же обитают твои Боги? – вернулась я позже к нашему первому, несостоявшемуся разговору, когда смогла понимать простые слова и составлять короткие предложения на его языке.

Не ответил он и во второй раз, но однажды мне удалось заглянуть в библиотеке в одну из немногих запретных для меня историй. Лишь мельком, но я успела прочесть:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.